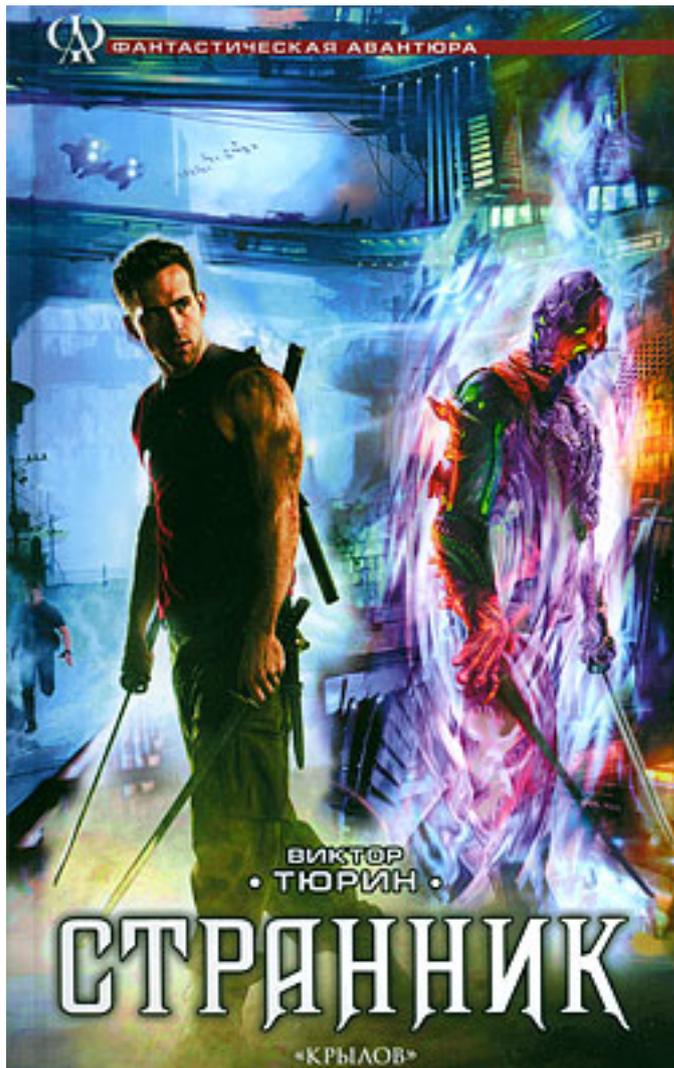

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ВИКТОР
• ТЮРИН •

СТРАННИК

«КРЫЛОВ»

Виктор Тюрин Странник

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=571405
Виктор Тюрин. Странник: Крылов; СПб; 2010
ISBN 978-5-4226-0067-0*

Аннотация

Далекое будущее. Действие разворачивается на одной из планет – колоний Земли. Ученый – исследователь, помимо своей воли оказывается вовлеченным в эксперимент галактического масштаба, проводимый неведомой расой. Получив способности, которые делают его монстром в глазах обычных людей, Дэвид Сакс, человек, наделенный сильной волей и острым умом, несмотря на все преграды, старается остаться человеком, несмотря на то, что на него открывают самую настоящую охоту. Пытаясь уйти от преследования спецслужб, герою придется скрываться то на городском «дне», среди бандитов, то выживать в непроходимых джунглях. Но сколько может продолжаться этот бесконечный бег? Может пора напомнить охотникам, что зверь, загнанный в угол, может быть очень опасен. Смертельно опасен.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Тюрин

Странник

Ты – монета, кружащаяся в воздухе, пока судьба затаила дыхание.

Вычитанная где-то фраза

Делай что должен, свершится чему суждено.

Марк Аврелий

Пролог

– Тревога! Жесткое излучение! Прорван контур биологической защиты! – Бесстрастный голос автомата-информатора прозвучал негромко, но в безмятежной тишине штурманской рубки он прогремел словно рев боевой сирены. Наступившая следом тишина казалась настолько ненадежной и хрупкой, что, раздайся хоть малейший звук, она разлетится на тысячи маленьких звонких осколков. В момент наивысшего напряжения, когда нервы натянуты до предела, «тревожные» экраны, отвечающие за защиту корабля, неожиданно дали отбой, сменив ярко-красный цвет на зеленый. Капитан корабля, все это время не спускавший глаз с голографического проектора, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, пытаясь успокоиться. Но если дыхание восстановилось быстро, то мысли и чувства после такой встряски никак не хотели приходить в норму. Однако на предписанную в подобных случаях психодинамическую гимнастику капитан не хотел тратить время. Ему нужно было знать прямо сейчас, какой урон нанесло пронзившее его корабль жесткое излучение. И даже не столько самому звездолету, сколько его наиболее ценному грузу – пассажирам. Чем больше он вчитывался в информацию, представленную ему искусственным интеллектом, тем спокойнее становилось на душе. Наконец капитан облегченно выдохнул воздух и уже собрался отвести взгляд, как его глаза, и так занимавшие почти четверть широкого и плоского безносого лица, стали резко увеличиваться в размере. Не веря своим глазам, он снова пробежал взглядом по той же строчке. Данные показывали то, чего не могло быть. Излучение не прошло звездолет насквозь, не рассосалось под воздействием защитных полей, а осталось на корабле в виде самостоятельного источника излучения. Такое наглое поведение пучка энергии капитан видел впервые, а ведь еще недавно ветерану космоса казалось, что удивить его уже ничем нельзя.

«Этого не может быть, потому что просто не может быть». Не понимая, что происходит, он развернулся к своему старшему помощнику, сидевшему чуть поодаль, за терминалом вахтенного офицера, и резко ткнул длинным гибким пальцем шестипалой руки в сторону проектора:

– Это что такое? Фруст, этот пучок...

– Командир, отдай приказ мозгу, пусть покажет уровень жилых кают. Аномалия, если не ошибаюсь, где-то в районе второй палубы.

Слова, больше похожие на указание, неприятно удивили капитана. Казалось, только он один не понимал, что происходит.

– Старший помощник, вы что, забыли корабельный устав? Личная жизнь пассажиров... Да что я вам объясняю прописные истины! Я не собираюсь по одному вашему...

– Командир, погоди. Если я не ошибаюсь, это... Странник.

Секунда ушла у капитана на раздумье, после чего последовала четкая команда:

– Мозг, установка три, один, один. Вторая палуба. Уровень жилых кают. Поиск. Излучение или одна из его форм.

– Установка принята, капитан. Даю картинку.

Полумрак каюты не только не скрывал, а скорее подчеркивал, делал центральной фигуру пассажира, облитую, словно тонкой пленкой, мерцающим силовым полем серебристого цвета. Тело и голову существа скрывал бесформенный балахон с подобием капюшона, оставалась открытой только небольшая щель в нижней части головы. Всмотревшись в фигуру, капитан внезапно ощутил почти забытое чувство страха. Не такого, который бывает перед явной опасностью, а непонятного, темного, прячущегося в закоулках души, а потом неожиданно выскакивающего и жалящего в тот момент, когда ты этого совсем не ждешь. С трудом оторвавшись от отталкивающей и одновременно притягивающей его взгляд фигуры, капитан повернулся и встретился взглядом со своим помощником. Тот не только прочитал безмолвный вопрос в глазах капитана, но и ответил на него:

– Он.

Их неестественное поведение мог понять только тот, кто принимал участие в последней галактической войне, развязанной ненавистной расой, представитель которой сейчас замер в тисках силового поля. Пусть война осталась в далеком прошлом, пусть сами они не сражались, принадлежа уже к послевоенному поколению, но ненависть к свирепому врагу передалась им вместе с молоком их матерей. Они понимали, что незванный гость сейчас ничего не видит и не чувствует, скованный полем Странника, но даже в этом состоянии он вызывал у них страх. Чтобы разорвать эту зависимость, капитан скомандовал:

– Мозг, установка три, один, один отменяется.

– Приказ принят, капитан. Установку отменяю.

Изображение в центре голографического проектора тут же сменилось текущей информацией.

– Уф-ф! – с облегчением выдохнул Фруст. – Смотреть и то... А энергетика какая... Зверем так и несет.

Капитан некоторое время молчал, прислушиваясь к ощущениям внутри себя, потом задумчиво протянул:

– Да-а... Кошмар... наяву. – Помолчав, добавил: – Вопрос закрыт. Раз все разъяснилось, занесем происшествие в бортовой журнал...

В следующий миг дверь штурманской рубки бесшумно ушла в сторону, пропустив легкую и стремительную фигуру стажера-подштурмана. Не успел он переступить порог, как тут же разразился тирадой:

– Тестирую я систему противопожарной безопасности на грузовой палубе, как вдруг – бац! – тревожное сообщение! Сфокусированный энергетический пучок! Да, думаю, круто! Из чего же он состоит, сразу подумал я, если сумел прошить нашу защиту так, как боевой блистер органику? И сразу сюда! Что тут? Проанализировали?! Что сказал мозг?!

Помощник, заметив, как начало морщиться лицо командира, свято соблюдающего устав космофлота и требующего этого от других, поспешил разрядить ситуацию:

– Аномальное сфокусированное поле. Дать картинку.

Юный подштурман впился глазами в экран.

– Вот это да! Неужели... Странник?! Пусть черный туман галактики пожрет мою душу, если это не он! Невероятно!! Вот это называется повезло!! – Эмоции просто переполняли его. – Он взял его? Или еще нет?!

Он не успел повернуться с вопросом к капитану, поскольку тут же последовал разнос:

– Стажер, где ваше самообладание?! Вы почти офицер космофлота! Умерьте свои эмоции и ведите себя в рамках устава!

Стажер вытянулся в струнку, опустив руки по швам, но молодость и любопытство, рвущиеся наружу, все же пересилили:

– И что теперь с ним будет?

Вопрос стажера напомнил капитану об его обязанностях.

– Мозг. Занеси данные о происшествии в бортовой журнал. Секретность второй степени. И запечатай жилой отсек. Номер каюты... сорок два.

– Говорят, что тело может храниться в такой оболочке вечно. Не изменяясь и не старея. Это так?

Юнец понимал, что навлекает на себя неприятности, но эмоции, бурлившие в нем, и сознание, что он находится в эпицентре такого необычного события, опять взяли вверх над благоразумием. Помощник, предвидя, что назревает скандал, снова вмешался.

– Скорее всего правда, – произнес Фруст. – Но больше всего меня радует, что это произошло с чудовищем с Даная. Может, одним убийцей станет меньше. Ведь если у него не сложится с той...

– Это данаец?! Вау! Никогда не видел их вживую!

– Умерь свои восторги, юнец! Это тебе не молодежная дискотека, а штурманская рубка! – прорвало обычно флегматичного Фруста.

Стажер растерянно замолк, сообразив, что переступил границу правил поведения. Он отодвинулся от экрана и проямлил:

– Виноват. Извините за недостойное поведение.

– Ну и ладно, – проворчал помощник, которому явно не хотелось доводить дело до скандала.

Наступившее молчание неожиданно прервал сам капитан:

– Интересно, а что данаец делает на моем корабле? Мозг, список пассажиров. Так... Следует в Триплет. Неужели... Мозг, увеличить изображение данайца. Еще. Вот это и требовалось доказать.

Последние слова были произнесены с явным удовлетворением.

– Пояс, – неуверенно произнес Фруст.

– Пояс, – подтвердил капитан. – Мы не сразу его заметили из-за мерцания поля. Он из ордена, или клана, Когана.

– Коган? – благоговейно переспросил стажер. – Так он из тех? Охотников за головами?

Такая почтительность явно не понравилась помощнику капитана. Мохнатые брови, занимавшие треть лба, сдвинулись к переносице. Да и капитан с удивлением покосился на своего юного подчиненного.

– Ведь это же знак их клана? Эта серебряная полоска? – Тот, не обращая ни на кого внимания, завороченно смотрел на монитор. – Вот он какой, этот Коган.

– Какой это «такой»? – зловеще осведомился старший помощник. – Галактическую историю не учил? Или, может, вам дают новый взгляд на историю последней войны, как это сейчас модно? Некоторые умники даже дошли до того, что нагло утверждают: дескать, это мы их спровоцировали на нападение! Капитан, ты слышал подобную ересь?! Ты, курсант, тоже так думаешь?! А?! Я тебя, сосунок, спрашиваю!!

Могучая фигура Фруста со сжатыми кулаками нависла над съжившимся юнцом. Из горла шел грозный рык:

– Четверть моего народа погибла в бойне, которую историки почему-то называют войной!! Половина городов моей планеты лежала в обломках, когда объединенные силы Лиги наконец сумели выбросить этих извергов с нашей планеты!! Я родился за восемь лет до окончания войны и хорошо помню, с каким трудом отстраивался мой мир! А ты распускаешь восторженные слюни при виде этого хладнокровного убийцы! Ты должен его ненави-

деть! Ненавидеть, только узнав о том, что он из данайцев, этой проклятой всеми разумными существами расы!! А клан Когана... У-у-у!! Демоны бездны пусть пожрут их души!!

Стажер съежился, втянул голову в плечи. Казалось, что вот-вот... Но в следующую секунду глаза помощника потухли, кулаки разжались. Ни на кого не глядя, он медленно повернулся, пересек рубку и исчез за дверью. Тишина после взрыва чувств и оглушающего рева была почти осязаема. Капитан, проводив взглядом широкую спину старшего помощника, слегка качнул головой. Осуждающе. Потом подумал: «Сам я тоже хорош! Он же мальчишка, что ни говори. Ветер в голове, а мы...»

– Ты извини его, стажер. Это его... как это правильно выразиться... болезненное место. Всем тогда досталось. Многим мирам не меньше, чем им, досталось, но уж такая особенность их расы – не могут жить спокойно, пока не отомстят. Глаз за глаз, зуб за зуб. В свое время Лига Миров не дала уничтожить Данай, как ни настаивали на этом несколько миров, в том числе и мир Фруста. Ты мне лучше вот что скажи. Что заставляет тебя смотреть на них восторженно, словно они... как бы это выразиться... существа... подобные нам?

Подштурман, успев за это время взять себя в руки, больше не выглядел бледной копией самого себя. Помявшись, но чувствуя себя уже уверенней, он сказал:

– Капитан, вы разве не слышали об их сверхспособностях?

– Это не способности, это то, чем хищный зверь добывает себе пищу, – клыки и когти. Я только одного не понимаю: зачем им разум?! Ведь они по своей сути дикие звери! – последняя фраза неожиданно отозвалась в глубине его души эхом страха. Взгляд опять невольно притянуло изображение данайца.

«Действительно зверь. Это мне нужно оружие и защита, а ему... сама природа дала все. Но как она могла создать расу идеальных убийц? Ведь во всем есть смысл, но где он здесь? Где?!»

Глава 1

Не открывая глаз, все еще плавая между сном и явью, я произнес хриплым со сна голосом:

– Время.

После чего открыл глаза. На объемно-пространственном мониторе у меня над головой высветилась надпись: «Привет, Дэвид. Как спалось?» – и время: «07:55:11».

– Привет, – поздоровался я со своим электронным управляющим. – Опять я у тебя выиграл.

Всякий раз, просыпаясь прежде, чем прозвучит музыкальный сигнал, я испытывал чувство внутреннего удовлетворения. Легкое, почти неощутимое, скорее всего оно соответствовало выражению, если перевести чувства на слова: «У меня все хорошо, у меня все будет хорошо». Таким ритуалом у меня начиналось каждое рабочее утро. Случалось и проигрывать, но такое бывало крайне редко. Обычно этому предшествовал бурно проведенный вечер или очередная заводная подружка, с которой я коротал ночь.

Все эти полтора года, с того дня, как начал работать на корпорацию «Роботс сервис инкорпорейт», я почти всегда просыпался с хорошим настроением. Мне нравилась моя работа. Мало того, что я сотрудник одной из четырех ведущих корпораций нашего мира, так я еще занимаюсь тем, чем мне всегда хотелось: разработкой и освоением новой, экспериментальной техники. Хотя название моей должности звучало сухо и неопределенно: «старший инженер-исследователь», о подобной работе тысячи молодых людей могли только мечтать, а для меня она была явью. Каждый день приносил мне что-то новое, заставляя жить и работать в непрерывном поиске, постоянно совершенствуясь. Можно было сказать, что удача благоволит мне, но так было не всегда. Может быть, поэтому я ценю каждый миг, каждую мелочь, даже такую, как мой незатейливый утренний ритуал.

Прозвучал бравурный туш – музыкальный сигнал, в унисон ему из кухни раздались приглушенные звуки работы киберповара, начавшего готовить завтрак. Утренние процедуры обычно проходили у меня в автоматическом режиме, пока мозг составлял набросок рабочего дня, а к концу завтрака, когда я пил кофе, наступало время «бытовых» дел. Только я начал их перебирать, как неожиданно вспомнил еще об одном, совсем уж неотложном деле.

«Подарок на свадьбу! Хорошо, что вспомнил! Фей, когда-то мы с тобой, девочка, были близко знакомы. Даже очень близко, а теперь меня даже нет в списке приглашенных гостей. Знаю, знаю, дорогая, это не твоя вина. Не повезло тебе с родственниками, что и говорить. Решили: раз дают деньги, то и приглашают гостей, естественно, тоже они. Странные люди. Впрочем, оплаченное ими свадебное путешествие, наверно, стоит того. Ладно, не мое это дело. С меня и вечеринки хватит. Так что подарить? Впрочем, знаю. Тот ювелирный магазинчик. Кольцо-змейка. Сколько времени прошло? Лежит ли оно там до сих пор? Хороший подарок бы вышел. То, что надо. У нее так тогда глаза загорелись...»

Тут я выпал из реальности, вспоминая то время, когда мы с Фей были не просто хорошими друзьями, а любовниками. Наша связь продолжалась около двух месяцев. Ярko вспыхнув, она так же быстро угасла, только поэтому колечко так и осталось некупленным. Позже у нее появился Джек, а спустя некоторое время всем стало ясно, что дело идет к свадьбе. Я поднес чашечку с кофе ко рту.

«Да он еле теплый! Сколько времени? Ух ты! Задумался! Надо бежать!»

Пулей вылетел из квартиры. Нажал кнопку вызова второго скоростного лифта. Почему-то мне всегда казалось, что он едет быстрее, чем первый и третий. Полсекунды лифт изучал меня, потом признал во мне жильца дома и открыл двери. Спуск занял ровно минуту. Выскочил из подъезда. Взмах руки – и я уже в такси. Карточка в прорезь, и улица, сорвав-

шись с места, стал уходить назад – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Помимо обычного такси в городе было и воздушное, но я им пользовался редко. Во-первых, дорого, а во-вторых, только вначале захватывает, а потом привыкаешь и понимаешь, что скорость и определенный шик не стоят затраченных денег. Вот такси, вырвавшись из потока машин, свернуло в сторону площади-сквера, где располагалось здание центрального офиса корпорации.

Привычно влившись в поток сотрудников, прошел сквозь широко раскрытые двери без каких-либо следов вооруженной охраны. Не было ее и в фойе, свободный и светлый стиль которого подчеркивал ряд фонтанчиков и маленьких водоемов в обрамлении цветников с хорошо подобранной цветовой гаммой, но ни для кого не было секретом, что за этой изысканностью и красотой прячутся сотни контрольных мониторов и датчиков, работающих в системе «свой – чужой». Они вели всех и каждого, отделяя чужих от своих, чтобы затем передать непрошенных гостей на попечение служб безопасности.

Я кивал головой и обменивался приветствиями с товарищами по работе все то время, пока шел по фойе к лифту, после чего начали действовать правила трудовой дисциплины. В их основе лежал негласный девиз наших работодателей: «Корпорация – это все, личность – ничто». Режим работы для каждого из нас был четко спланирован и направлен на то, чтобы получить от работника максимум выгоды. Кого-то это тяготило, но только не меня. Семь часов работы пролетели как одно мгновение. С некоторым удивлением я уставился на экран коммуникатора, сообщившего мне об окончании рабочего дня. И рабочей недели. Впереди было два выходных.

Остановил такси, не доезжая пару сотен метров до заведения Джека. Хотелось пройтись, неспешно, с ленцой, в пику размеренному режиму работы. Моей целью был ресторанчик под названием «Золотая рыбка», принадлежавший жениху Фей. Он находился в очень удобном месте, рядом с одним из трех основных торговых центров мегаполиса. Этот район, называвшийся Розовый Закат, делили две корпорации. Наша и «Стабильность». Основным направлением «Стабильности», насколько я знал, были разработки, связанные с генетикой, биологией и медициной. Не успел я сделать и нескольких шагов, как тут же привлек внимание проходивших мимо трех бойцов в форменных мундирах «Стабильности». Такие отряды, или, как их еще окрестила пресса, «карманные армии», имела каждая корпорация. На случай возможного вооруженного конфликта. А уж ими история колонизации нашего мира просто изобиловала. Еще не достигнув шестидесятилетия, история колонии Фальстафа уже имела в своем активе две войны, которые спровоцировали сами корпорации. Нетрудно догадаться, что в их основе лежали деньги, а если подробнее – раздел сфер влияния. Достигнутые пять лет тому назад соглашения о разделе сфер влияния соблюдаются до сегодняшнего дня, но никто не может дать гарантий, что, когда в воздухе снова запахнет сверхприбылью, не вспыхнет новая война.

Солдат привлекла не столько моя личность, сколько герб корпорации-соперника на моей фирменной куртке. В их взглядах было нечто похожее на стойку натренированных собак-овчарок, уловивших запах врага. Подобное отношение было одним из проявлений политики скрытой вражды, насаждаемой корпорациями среди своих работников, хотя все, в том числе и я, считали это нормальным уже потому, что так повсеместно принято.

Держа в руке красиво оформленную коробочку с подарком, я медленно шел по улице, наслаждаясь снизошедшей на меня умиротворенностью. Это был один из редких моментов, которые, даже будучи ничем особым не отмечены, остаются в памяти надолго. Миг душевного равновесия, заключающий в себе редкие минуты согласия с самим собой и окружающим миром. Именно в таком, почти блаженном состоянии я остановился перед дверями «Золотой рыбки». Двери были своеобразной визитной карточкой заведения – сделаны из

настоящего земного дерева, с массивными металлическими ручками, ярко блестящими под лучами солнца.

Войдя, первым делом посмотрел на столик в нише между стойкой бара и зеркальным стеклом витрины. Это было место для избранных гостей, а значит, в первую очередь для Фей. За столиком никто не сидел. Не успел удивиться, как тут же увидел ее сидящей на высоком стуле в самом конце барной стойки. Узкая и короткая юбка, точеные ножки, соблазнительно округлые бедра. Сердце сладко екнуло. Неожиданно для самого себя я осознал, что хочу ее. Проявление чувственных желаний самца в тот миг, когда я готовился преподнести ей свадебный подарок, смело одним махом мою умиротворенность, а ее место заняли досада и смущение. Быстро отведя глаза от ее ног, я улыбнулся во весь рот, от души надеясь, что мой жадный взгляд остался незамеченным Джеком.

– Привет, ребята!

Быстро пробежал глазами по залу, избавляясь от остатков замешательства и чтобы лишний раз убедиться, что никуда не делся неповторимый отпечаток домашнего уюта, так выгодно отличавший рестораничку от подобных ему заведений. Нет, все как всегда. Тихо и уютно.

Сев рядом с Фей, я положил на полированное черное дерево стойки коробочку.

– Два в одном. Сюрприз и свадебный подарок.

Я взглянул ей прямо в глаза, ожидая увидеть в них смеющуюся радость и искрящееся любопытство, но, к своему вящему удивлению, ничего похожего не обнаружил. Наоборот, они были печальны и хмуры, как конец осени. Бросил быстрый взгляд на Джека. Тот тоже не лучился радостью.

– Эй, ребята! Да что с вами такое?! Я-то в чем провинился перед вами?

Джек, буркнув что-то невразумительное себе под нос, повернулся ко мне спиной, а затем потянулся к бутылке, стоявшей на полке на уровне его головы. Шесть зеркальных полок за его спиной с множеством самых разнообразных бутылок, занимающих всю стену до самого потолка, он в шутку называл своим неприкосновенным запасом. Единственное, что я знал точно, – Джек не только никогда не открыл ни одной из этих бутылок, но и не давал их в руки посетителям, несмотря на их просьбы. И вот теперь, сняв с полки одну из них, он поставил ее передо мной на стойку. Низкая, квадратной формы, наполненная прозрачной жидкостью. Следом встали в один ряд три маленьких граненых стаканчика. Неожиданно во мне прозвенел тревожный звоночек.

– Послушайте, у вас что, со свадьбой, – я говорил осторожно, не зная, как выразиться, чтобы не обидеть их, – не все... хорошо?

В ответ на вопрос послышался мягкий всплеск, и прозрачная жидкость потекла в стаканчики. Над стойкой повис резкий, но вместе с тем приятный запах.

– Это не у нас, а у тебя все плохо, – тихо, почти шепотом сказала Фей.

– На тебя СВБ затребовало информацию. В полном объеме, – предпоследнее слово Джек постарался выделить.

«Служба внутренней безопасности корпорации? В полном объеме?! Господи! Неужели... Не может быть!»

Слова были сказаны Джеком, но я продолжал смотреть на Фей, потому что подобной информацией могла владеть только она, являясь сотрудником отдела кадровой расстановки нашей корпорации. И поэтому мой вопрос был предназначен именно ей:

– Ты ничего не путаешь, девочка?

Где-то в глубине души тлела надежда, что меня просто глупо разыграли, хотя лица обоих утверждали обратное.

– Нет, Дэвид. Честное слово, нет.

Я мог не верить словам, но глаза Фей говорили то же самое. В следующую секунду страх пробрал меня с головы до пяток. Тело стало ватным и непослушным. В голове всплыли жуткие слухи о подвалах с палачами-изуверами, о подземных тюрьмах, о ликвидаторах-невидимках. Раньше я считал все это досужими выдумками, но теперь...

«Если в них правды пусть даже десять процентов...» – дальше думать мне не хотелось. Страх, захватив сердце, медленно крался к мозгу. Пытаясь осознать глубину пропасти, в которую меня столкнули, я не видел никого и ничего вокруг. Время словно остановилось. Я снова, как когда-то, остался один против целого мира.

«Что-то надо делать. Что-то надо...»

Рука автоматически схватила и опрокинула стаканчик в рот. Жидкий огонь, пройдя в горло, ухнул мне в желудок. Дыхание прервалось на вздохе.

– Воды!

Выпив почти одним глотком полстакана холодной воды, я смог восстановить дыхание, а главное, начать здраво мыслить. Посмотрел на хмурое лицо Джека, старательно отводившего глаза, затем на жалкое личико Фей с набухшими влагой глазами и понял: больше мне здесь делать нечего. Они сделали для меня то, что могут сделать только настоящие друзья. Да и то, наверно, не все. Фей, сказав мне эти несколько слов, тем самым преступила через треть пунктов своего контракта и подвергла серьезной опасности свою жизнь. Когда в корпорации об этом узнают, ее объявят предателем и церемониться с ней никто не будет. Мне хотелось сказать ей, что она очень хороший человек, но делать этого я не стал, а просто посмотрел ей в глаза. Она поняла. С коллекционной бутылкой все тоже было ясно. Она стала своеобразным знаком прощания со мной. Мы, все трое, прекрасно сознавали, что стоим теперь по разные стороны от незримой черты, разделившей наши жизни. У них будет хорошая, стабильная, может, даже счастливая жизнь, а у меня...

– Дэвид, ты не должен никому говорить. Никому. Я...

– Фей, это лишнее. Спасибо за все и... прощайте.

Выйдя на улицу, я все же взял себя в руки, хотя должен был трястись от страха, как любой нормальный человек, узнавший, что его досье рассматривает служба внутренней безопасности могущественной корпорации.

«Запрос. По полной форме. Что означает тщательную проверку. Тщательную, Дэвид. Очень плохо. Может, стандартная проверка? Не похоже. Скорее всего, они добрались до моего настоящего прошлого. Если это так...»

Я принял слова Фей на веру не потому, что был доверчивым малым или меня так легко испугать. Совсем нет. Дело в том, что мое прошлое в некоторых его узловых моментах выглядело для меня самого настолько страшным и загадочным, что...

Глава 2

Я старался идти, не привлекая к себе излишнего внимания. Если меня ведут агенты службы безопасности, то пусть думают, что я гуляю. Зашел в бар, принял рюмочку-другую, перекинулся парой слов со знакомыми и пошел дальше. Что еще делать молодому и здоровому парню, у которого впереди два выходных дня?

«Выходные дни». Смешно звучит. Как все изменилось за десять минут. Моя судьба, жизнь, даже само понятие «выходной день».

Чувство тревоги, пока я шел в шумной, суетливой толпе, постепенно притупилось. Страх не исчез, но, перестав туманить мозг, придал мыслям живость, а сознанию – остроту мышления.

«Сразу хватать и допрашивать не будут. Сначала они должны прощупать окружение подозреваемого, его связи. Понять, насколько он опасен как личность. А вдруг это все-таки стандартная проверка? Выборочная? Может, я просто перегибаю палку? Ведь в корпорации я не так давно. Хм. Да, я согласился бы с этим, если бы не мое прошлое... Надо исходить из худшего варианта».

Я оглянулся в поисках бара или кафе. Для начала все обдумать и взвесить, а потом решать. Без суеты.

Бар оказался в двадцати метрах. Заглянул в него, увидел почти пустой зал, зашел. Сделав заказ, сел за свободный столик, в самом дальнем углу зала. Быстро obeжал глазами помещение. Одинокaя женщина лет сорока со стаканом коктейля, парочка воркующих влюбленных и шумная, не совсем трезвая компания из трех человек. Последние громко, даже с каким-то болезненным надрывом спорили о недавних Королевских гонках. Такое претенциозное название имели ежегодные гонки космических яхт, представленных корпорациями и отдельными богачами. Дождавшись заказа, я вернулся к своим мыслям.

Было о чем подумать и что вспомнить. Ведь то, что случилось, не было основной причиной моего страха, а скорее всего очередным звеном в цепи непонятных, а иногда даже неправдоподобных событий, происшедших в моей жизни. Если говорить прямо, я был не тот человек, за кого себя выдавал и которого привыкли видеть окружающие меня люди: ровный в общении, готовый прийти на помощь, в меру веселый – нормальный парень, такой же, как тысячи других молодых людей на Фальстафе.

В нашем мире, где львиная доля реальной власти была в руках корпораций, люди, работавшие в государственных учреждениях, на фабриках и фермах, считались людьми второго сорта. Так уж сложилось, что на перспективных планетах-колониях у власти стояли марионеточные правительства, ставленники концернов. Естественно, что для придания видимости законности в состав таких правительств обязательно входили комиссары Центрального Правительства, имеющие группу консультантов на все случаи жизни, а для уважения – подразделение звездной пехоты. Формально власть принадлежала ЦП, а реально находилась в руках корпораций. Ничего странного или противоестественного в этом никто не видел, ведь планеты в своем большинстве колонизировались и осваивались на деньги корпораций. Подобное положение вещей можно характеризовать старой земной поговоркой: «У кого деньги – тот и заказывает музыку». К тому же Центральное Правительство такой подход в деле освоения планет также устраивал, а кого он не устраивал, так это колонистов, но их мнение никого и никогда не интересовало. Те, кому изначально повезло работать на ту или иную корпорацию, получали все блага, а те, кому не повезло, получали крохи.

Таким невезучим человеком оказался и я, родившись в семье государственных служащих. Я должен был пойти по стопам своих родителей, работавших на комбинате по перера-

ботке океанских водорослей. Проблема с продуктами питания в нашем мире всегда стояла остро, так как большинство местной флоры и фауны оказалось непригодной для человеческого желудка. Со временем к этой проблеме прибавилась еще одна: земным животным и злакам требовалось намного больше времени для адаптации в этом мире, к тому же фермерам приходилось вести самую настоящую войну с местным зверьем, которому очень даже понравились земные сельскохозяйственные культуры. Все это замедляло и затрудняло работу фермерских хозяйств, а доставка колониям продуктов и полуфабрикатов космическими кораблями всегда была дорогой. Центральное Правительство могло позволить себе подобную роскошь только в том случае, если освоенный мир являлся ценным приобретением, как это, к счастью, оказалось в нашем случае. Залежи минерала женича, найденные на Фальстафе и столь нужные Земле, давали надежду, что Центральные Миры не дадут колонистам умереть с голоду ни при каких обстоятельствах. Но и до бесконечности так продолжаться тоже не могло. Ученые искали выход из создавшегося положения где только могли, пока не наткнулись на океанские растительные массы, оказавшиеся сходными по своему составу с морскими водорослями Земли. Посредством специальных добавок и применения ряда микроэлементов из них научились получать полуфабрикат, который со временем стал основным продуктом питания колонистов. Ученые пошли дальше в своих изысканиях и разработали рецепты нескольких соусов, с помощью которых полуфабрикат превращался в блюда под названиями «жареная курица», «рагу из говядины» и тому подобное. Теперь их подают в самых дальних уголках нашего мира, где только есть дешевая сервис-столовая. После этих открытий перерабатывающие фабрики стали расти как на дрожжах, выдавая продукцию двадцать четыре часа в сутки, и спустя три года карточная система на продукты, продержавшаяся более полувека, была наконец отменена.

С детства привыкший к резкому запаху перерабатываемых водорослей, я не кривился, как приезжие, а просто тихо ненавидел его. Так раб ненавидит свое клеймо. Согласно статус-системе, введенной вместе с продовольственными карточками, каждый человек был заключен в жесткие социальные рамки, из которых мог вырваться только в исключительных обстоятельствах. По мере того как условия жизни становились лучше, рамки расширялись, но все же не настолько, чтобы простой человек сам вершил свою судьбу. Мне статус предписывал жить и работать в определенных местах и на предназначенных рабочих должностях. Только при выполнении этих навязанных обязательств я мог рассчитывать на бесплатную учебу, обучение рабочей специальности, получение работы и квартиры. Да, я был волен бросить здесь все и уехать в город. Но что меня там ждало? Такая же жесткая статус-система. Еще оставался фермерский труд, но о нем даже думать не хотелось, настолько он мне казался тяжелым и грязным.

«Дети окраин» – так называли нас в больших городах. Несмотря на предопределенность, мы продолжали мечтать о жизни в мегаполисах, о больших деньгах, о престижной работе в концерне. Да и кто не мечтал в детстве?! Повзрослев, пытались бунтовать против системы. Закачивались пивом, а потом шли на улицы, горланя дурацкие лозунги типа «Я свободный человек! Не желаю жить в дерьме!». Так прошла моя юность. Дискотеки, девочки, пиво. Стандартный набор подростка из небольшого городка. В общем, жил и учился как все, ничем не выделяясь, пока в нашем колледже, дававшем не только среднее, но и профессиональное образование, не появился новый преподаватель. Джерри Степлтон. Выпускник университета, молодой, энергичный, он пытался по молодости лет хоть что-то исправить в этом мире. Еще полный свежих университетских знаний, он предлагал всем желающим расширить свое образование, читая курсы лекций по одному-двум дополнительным предметам два раза в неделю. Над ним втихомолку смеялись коллеги-преподаватели и открыто – ученики. Я рассуждал так же, как и большинство: кому нужна космография или нанотехнология, если все равно будешь оператором машин по переработке водорослей? Но когда

несколько парней и девчонок записались, я оказался в их числе. Сделал я это из духа противоречия, думал, что таким образом бросаю вызов стандартам социальной системы. Выглядело это по-детски, но понимание таких вещей обычно приходит с возрастом. Сначала ходил на лекции неохотно, через силу, но неожиданно для себя увлекся высокими технологиями, а в частности нанотехнологией. И если раньше моя комната была завалена инфокристаллами с записями музыкальных групп и кассовых фильмов, то теперь они уступили место кристаллам со специальными учебниками. Впрочем, и это не могло изменить предначертанного мне пути, если бы мои родители не совершили чудо.

Отец в свое время, окончив специальную школу администрации среднего звена, получил назначение на нашу фабрику, где стал начальником цеха. Мама, уроженка нашего городка, техник-технолог на этой же фабрике. Около года тому назад, никому ничего не говоря, они начали проводить эксперименты по повышению производительности линии насыщения микроэлементами, сумев в конце концов создать формулу смеси, ускоряющую процесс переработки почти на двадцать процентов. Но отцу и этого показалось мало. На свой страх и риск он переделал одну из линий, добавив парочку нововведений. Запустил. Проверил. Потом пригласил специальную комиссию. Вскоре после ее отбытия отца вызвали в Федеральный Совет округа. После окончательной проверки и утверждения его изобретения его статус административного работника был поднят сразу на два чина, а еще через неделю родители получили денежные премии в размере трехмесячных окладов. Я думал, что наша жизнь хоть на какое-то время изменится к лучшему, раз у нас появилась такая куча денег, но, к моему удивлению, все осталось по-старому. На свои вопросы я получал туманные ответы, смысл которых сводился к одному: пусть деньги пока полежат, мало ли что может случиться.

Время шло. Мое увлечение нанотехнологией постепенно превратилось в страсть. Мне нравилось испытывать сладкое чувство прикосновения к очередной тайне вселенной, раскрытой человеком. Все больше времени я проводил с Джерри Степлтоном, который для меня уже был не столько преподавателем, сколько старшим товарищем, направляя и корректируя мое самостоятельное плавание в мире науки.

После шумных рождественских праздников я вступил в новый год, значимый не только для меня, но и для всех моих одноклассников. Весной мы должны были сдать наш первый в жизни экзамен и получить диплом специалиста низшего ранга. Вместе с дипломом вручалась статус-карта, после чего мы становились полноправными гражданами нашего мира. Год действительно оказался значительным, став своеобразной отправной точкой в моей судьбе. Все началось со скоропостижной смерти управляющей перерабатывающей фабрикой. Согласно законам, на фабрику должны были прислать человека от Федерального Совета округа, а вместо этого неожиданно должность управляющего получил мой отец. Еще через полгода мама возглавила отдел в химико-биологическом центре фабрики. Этому назначению никто не удивился. Приближать своих – нормальная человеческая черта в мире, где социальные и человеческие отношения хорошо отражены в одном прочитанном мною выражении: «Не хочешь быть добычей – стань хищником». Теперь я мог рассчитывать на тепленькое местечко в здании администрации, а со временем претендовать на отдельный кабинет начальника отдела. Родители, однако, решили по-другому, считая, что получили шанс изменить судьбу сына к лучшему. Не поставив меня в известность, они переговорили со Степлтоном, а тот – со своим хорошим приятелем, работавшим на кафедре высоких технологий университета Каска. Как университет, так и сам город Джорджия, в пригороде которого он расположен, далеко не самые крупные в списке учебных заведений и мегаполисов на Фальстафе, но мне было наплевать на подобные тонкости, когда я узнал о своем зачислении на первый курс. Восторгу и радости не было предела, но сюрпризы на этом не закончились. Когда я немного успокоился, отец заявил мне, что они уже оплатили авансом два года учебы, а кроме того, меня ждет работа техника-лаборанта на кафедре сверхвысоких техно-

логий. Мне, наверное, на всю жизнь запомнилась последующая бессонная ночь, наполненная радужными мечтами.

Учеба и работа, новые впечатления и новые знакомые – четыре года пролетели незаметно. Вместе с дипломом (шестнадцатое место в списке выпускников года) я получил предложение остаться работать на университетской кафедре высоких технологий, а когда через месяц мне вручили ключ от служебной квартиры в университетском городке, я посчитал, что моя жизнь состоялась на все сто. Прошло полгода тихой, вдумчивой работы на кафедре, слегка разбавленной чтением лекций студентам и легкими пирушками по субботним вечерам в облюбованном мною баре «Дубовый листок», пока судьба не решила, что «белая» полоса моей жизни несколько затянулась.

Наша кафедра, как и другие, получала государственное субсидирование в таком малом объеме, что денег хватало только на закупку простейшего оборудования для практических работ со студентами. О серьезной научно-исследовательской работе можно было бы забыть, если бы не заказы, получаемые нами со стороны. В основном заказчиками были частные фирмы, для которых мы исследовали, разрабатывали, которым давали практические рекомендации. Конечно, наши лаборатории и в подметки не годились научно-исследовательским центрам корпораций, но мелких заказчиков мы вполне устраивали как расценками, так и качеством работы. И вот в один из дней к нам поступило сразу три заказа. Работа закипела. Мы из кожи лезли вон, только бы выполнить их в срок и качественно. И тут я допустил ошибку. Отложил одну работу ради другой, решив, что дописать выводы и оформить ее я всегда успею, но, погрузившись с головой в новую тему, забыл обо всем на свете и, главное, забыл о трех золотых правилах моего непосредственного начальства: «заказчик – это деньги», «заказчик всегда прав» и «деньги лишними не бывают».

И вот наступил день, когда порог кабинета декана нашего факультета переступил разъяренный представитель заказчика. К несчастью, научно-производственная фирма «Пегас» была самой богатой из всех наших заказчиков, а я – самым молодым и неименитым из всех наших сотрудников, поэтому результат подобного противостояния был предопределен. На экстренном собрании сотрудников кафедры, куда меня пригласили для объяснений, я надеялся отделаться нагоняем от декана, но не тут-то было. Взвешив слово представитель заказчика неожиданно предъявил жесткий ультиматум: или вы увольняете нерадивого работника, или лишаетесь постоянного клиента. Вопрос был тут же поставлен на голосование деканом. К моему глубокому ужасу, большинство коллег, не раздумывая, согласилось с этим наглым и непомерным требованием. Я чувствовал себя так, словно земля разверзлась под моими ногами и я лечу в бездонную пропасть. Отчаяние. Уныние. Страх. Все эти чувства переполняли меня, забивая истерическими импульсами мозг, не давая пробиться здравому смыслу, с помощью которого я мог бы попробовать отстоять себя. Уже в шоковом состоянии я выслушал следующее «пожелание» заказчика. Тот захотел, чтобы мое увольнение стало назиданием для остальных, и потребовал занесения меня как специалиста в «черный список». Легкие возражения типа, дескать, не стоит калечить жизнь молодому человеку, сочувственные взгляды – все это было своего рода извинениями моего бывшего коллектива за уже практически принятое решение. Только после собрания, когда народ уже разошелся, я понял, что весь этот кошмар был наяву. Кинулся к декану, но тот лишь развел руками. Выйдя из центрального корпуса, я сел на ближайшую скамейку, и тут до меня наконец дошло, что я оказался без работы и квартиры, с дипломом, где теперь сделана запись о том, что его обладатель «уволен по профессиональной непригодности». Эта запись ломала все, чего я добился, всю мою жизнь. Хаос в голове и в душе достиг предела. Смесь страха перед будущим, ненависти и обиды на весь мир требовала выхода. И я взорвался! Значит, весь мир против меня? Нет! Не так! Это я против всех! Пустота в груди требовала заполнения. И я не придумал ничего

лучшего, как пуститься в загул. Меня не смутило даже то, что у меня на счету было только четыреста кредитов. Полумрак баров сменялся ярким светом ресторанов, тихие душевные излияния – громкими пьяными речами, но выплеснуть из души ядовитую горечь я так и не сумел. Хмель дарил мне лишь временное забытье.

Глава 3

– И здесь деньги закончились, – сказал я, с грустью глядя на свои вещи, выставленные за дверь съемной квартиры. – А я спать хочу!

Пустое пространство коридора никак не отреагировало на мое высказывание. Бессонная ночь и хмель путали мысли, но не настолько, чтобы не сообразить: здесь мне больше делать нечего. Куда идти, я тоже знал. Самые дешевые квартиры находились на окраинах города. Забрав вещи, я отправился на окраину, в ближайший район под названием Серая Пустошь.

Выйдя на остановке, некоторое время я просто стоял и осматривался. Помойка для человеческих отбросов. Это впечатление не смогло сгладить даже мое полупьяное состояние. Первым желанием было уехать обратно. Куда угодно, только бы никогда не видеть всего этого. Но долго колебаться мне не дали взгляды исподлобья обитателей здешних мест. Нехорошо так стали они ко мне присматриваться, подобно собакам, изучающим забежавшего на их территорию чужого пса, перед тем как броситься на него всей стаей. Пришедшая в голову аналогия буквально сорвала меня с места. Некоторое время я шел как бы в прострации, не замечая ни облупившихся стен домов, ни жалких газонов с чахлой травой, пока усталость, жара и жажда не взяли свое. Остановившись в тени деревьев, я огляделся по сторонам с недоумевающе-тоскливым взглядом. Неожиданно взгляд натолкнулся на автомат-информатор, стоявший рядом с витриной магазина, прикрытой силовым щитом. Он-то и стал отправной точкой в осуществлении моего плана, который, как я надеялся, вернет меня к прежнему образу жизни. Ведь мое нынешнее состояние не являлось для меня характерным, просто до этого момента я никогда не попадал под столь сильный пресс жизненных невзгод.

«Все! Хватит страдать! Сейчас найдем квартиру, а затем и работу! Жизнь продолжится!»

Переступив порог съемной квартиры, я невольно вздрогнул. То, что предстало моим глазам, пахло даже не бедностью, а неприкрытой нищетой. В воздухе стоял стойкий запах дезинфекции... и безнадежности. Бывший когда-то белым, а теперь посеревший, с желтыми разводами пластик, облицовывавший стены, придавал квартире грязный, неряшливый вид. Таким же пластиком была покрыта крышка стола, только еще более грязным. Два стула. Кровать-полуавтомат в стенном шкафу. Стандартный набор одноразовой пластиковой посуды в стерильной упаковке. За тонкой стенкой-ширмой, судя по капающей воде, – туалет с душем. Мысль, что вот это будет моим домом на неопределенно долгое время, оказалась слишком сильным ударом для моих иллюзий, которыми время от времени я все еще тешил себя. На деревянных, негнущихся ногах дошел до стула. Сел. Некоторое время тупо смотрел по сторонам. Мысли шли черные и тяжелые, как грозовые тучи. Потом сон поглотил их вместе со мной.

Проснулся поздним утром и почувствовал себя не в пример лучше, чем прошлым вечером. Отчаяние ушло, я снова верил в свою звезду. Молодой, здоровый, умный, так неужели я не найду свое место под солнцем?! Проверил банковскую карточку – тридцать семь кредитов, и это при том, что вчера я уплатил за квартиру на неделю вперед. Это были плюсы, пусть жалкие, но они были. Неделю я мог просуществовать на эти деньги.

«А теперь хватит хандрить – и вперед, на поиски работы!»

Четыре дня подряд, по пять-шесть часов в день я обивал пороги маленьких фирм как в своем, так и в соседних районах, пытаюсь наняться на работу техником, намекая, а потом и прямо давая понять, что могу и согласен выполнять намного более сложную работу за те же деньги. Это и был мой план. Но со мной вели разговор только до того момента, когда на сканере возникала запись «уволен с работы в связи с профессиональной непригодностью».

Каждый раз, выходя на улицу после подобной беседы, я почти физически чувствовал, как истончается, уходит надежда на лучший исход. И каждый раз мне хотелось напиться до бесчувствия, но даже этого я не мог себе позволить. Моих денег едва-едва хватало на еду. Если дни были еще как-то заполнены поисками работы, разговорами с людьми, то вечера стали для меня проклятием. Их пустота оставляла слишком много свободного времени, которое ничем нельзя было заполнить, кроме как мыслями и воспоминаниями, что для меня было хуже пытки. Таким же обещал быть вечер пятницы. Я уже был готов к очередному самоистязанию, как неожиданно прозвенел дверной звонок. Подскочив к двери, с немалым удивлением увидел на пороге одного из своих многочисленных соседей. С этим грязным, обрюзгшим, вечно пьяным человечком я уже несколько раз сталкивался в коридоре нашего квартирному блока. Бросив на меня мутный взгляд, он, ни слова не говоря, шагнул через порог. Захлопнув дверь, я развернулся, следя за его дальнейшими действиями. А он, уже поставив на стол бутылку, устроился за столом. В другой ситуации я спустил бы его с лестницы, но сейчас был согласен на любое общество, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями. Достав стаканчики, я сел напротив незваного гостя. Тот не стал терять времени на церемонии. Разлив водку, он тут же кинул свою порцию в рот. Я последовал его примеру. Он снова разлил. Снова выпили. Только я собрался спросить, что привело его ко мне, как он опередил меня, заговорив сам. Первые несколько минут я пытался выяснить, что ему нужно, но понял, что гость пьян настолько, что просто продолжает ранее начатый рассказ о своей бывшей жизни. Речь его была невнятной, порой переходила в сплошной мат, но я слушал, не перебивая, пока он вдруг не замолк на полуслове. Словно завод кончился. Окинув меня несколько раз мутным взглядом, он неожиданно спросил, кто я такой. Размякнув под воздействием спиртного, я в свою очередь принялся выплескивать ему свою душу. Он тоже слушал, не перебивая, но когда мой рассказ стал подходить к концу, неожиданно стукнул кулаком по столу. И когда я удивленно замолчал, он ткнул в мою сторону заскорузлым пальцем и заявил:

– Ты кого из себя строишь, малыш?! Боишься замараться?! Вот же придурок! Сидит по уши в дерьме и при этом старается казаться чистеньким!

А затем он снова пустился в длинные и нудные рассуждения, но теперь уже на тему «Как хорошо быть безработным». Этот вариант я уже обдумывал, правда вскользь, не думая всерьез, что когда-нибудь им придется воспользоваться. Статус безработного считался самой низшей социальной ступенью в нашем обществе. Принять его означало поставить крест на своем будущем и на своей личности.

Сосед ушел, а я еще долго сидел за столом и думал, как жить дальше. Я знал, что, если стану в ряды безработных, я буду обеспечен работой, социальной бесплатной кормежкой, скидкой на оплату квартиры, но взамен этих крох у меня просто-напросто заберут... будущее. У безработных его нет. Ведь будущее подразумевает карьеру, уважение, место в обществе, хорошую зарплату, а главное – детей, которым было бы не стыдно за своего отца. А что у безработного? Ничего, кроме его жалкой социальной пайки. Что делать? Уехать к родителям? Да, там у меня будут дом и работа. Но как пережить косые взгляды, ядовитые насмешки за спиной и прямые издевки, хорошо, если подобное коснется только меня... Черта с два! Достанется и моим родителям! По полной программе! А ведь они не просто работяги, а уважаемые люди, входящие в городскую верхушку. Отец – член городского административного Совета. И чтобы за их спинами хихикали и перешептывались... Нет! Они столько сделали для меня, а я... Все что угодно, только не это! Тогда остается... Идея стать безработным становилась все менее противной, я постепенно сживался с ней, так же как привыкал к своему полуголодному состоянию. Загнанный в тупик безденежьем и подобными мыслями, в понедельник я все же сделал еще одну попытку устроиться на работу, но уже в час дня сидел в приемной местного отделения регистрации безработных. На проверку моих данных и регистрацию ушло два часа.

«Жизнь на этом не кончается, я все равно буду бороться», – с этой бодрой мыслью и единовременным пособием в двадцать пять кредитов, зажатым в кулаке, я вышел из отделения регистрации.

Теперь благодаря статусу безработного я мог бесплатно питаться два раза в день в одной из трех специальных сервис-столовых нашего района, раз в полгода отовариваться набором необходимых вещей и иметь пятидесятипроцентную скидку на оплату грязной норы, в которой сейчас жил. За все эти блага мне придется работать шесть дней в неделю на общественных работах. Кроме этого мне раз в неделю будут начислять небольшие суммы в тридцать—сорок кредитов для оплаты квартиры и покупки необходимых в хозяйстве мелочей. Вместе с карточкой безработного я получил рабочий номер бригады, в которой уже с завтрашнего утра мне предстояло начать работать. Также вместе с номером я получил специальный браслет-сигнализатор, который должен носить на руке круглые сутки. Благодаря этому браслету члены бригады могут иметь полную информацию о месте, времени сбора, а также о самой работе. То, чем мы занимались, заключалось в основном в уборке мусора, утилизации отходов, разгрузочно-погрузочных работах, иногда помогали бригадам дезинфекторов. Вонь, физические нагрузки и грубые подначки первое время меня сильно напрягали, но постепенно кулаком и злым сарказмом я завоевал себе место в здешнем обществе. Воспоминания о прежней жизни постепенно тускнели, забиваемые тупой, тяжелой работой. Прошло около шести месяцев, пока со мной не произошло необычное и страшное событие, повлиявшее на мою дальнейшую судьбу.

Как-то вечером после работы по утилизации отходов меня и еще три десятка человек выгрузили возле бюро по найму рабочей силы. Я, как и остальные, прошел специальную санобработку, но даже после этого продолжал чувствовать себя грязным. Одно только легкое напоминание о том липком и вонючем мусоре, в котором мне пришлось барахтаться, заставляло меня мечтать о горячем, обжигающем кожу душе и ароматном геле. Отклонив предложение приятелей опрокинуть по паре стаканчиков, я чуть ли не бегом отправился к себе домой, но не успел подойти к лифту, как почувствовал, что со мной что-то происходит. Сначала неожиданно обдало изнутри теплой пульсирующей волной, но только я начал беспокоиться, как она схлынула. Пожав плечами, вошел в кабину, лифт пошел вверх, и я вдруг почувствовал холодящую пустоту в груди, словно из меня что-то вынули, затем она постепенно стала распространяться по всему телу. Это настолько не соответствовало обычным человеческим ощущениям, что я просто-напросто растерялся. Сумбурные попытки понять, к каким ощущениям это можно отнести, продолжались до остановки лифта, но едва я вышел из кабины, как очередная волна теперь уже слабости заставила меня пошатнуться и прислониться к стене. Коленки заходили ходуном, пальцы задрожали, на лбу выступил пот. Переведя дух, осторожно расстегнул воротник рубашки, стер тыльной стороной ладони пот со лба. Чувство растерянности сменила тревога.

«Черт! А может, я заболел? Подхватил вирус на этой чертовой помойке?!»

От этой мысли меня снова бросило в дрожь.

«Может, обратно в лифт? И в больницу».

Однако слабость, от которой подкашивались ноги, да и обычное человеческое, что все обойдется, заставили меня добрести по стене до двери моей комнаты. Но как только она закрылась за моей спиной, я понял: еще один шаг, и я рухну. Тогда я решил сесть, но едва успел коснуться пола, как провалился в беспамятство.

Открыв глаза, некоторое время не мог понять, почему моя комната выглядит в таком необычном для глаза ракурсе, пока не сообразил, что сижу на полу, подпирая спиной входную дверь. Попробовал подняться на ноги, но получилось не сразу. Мышцы затекли и слушались неохотно. К этому можно было прибавить легкую слабость, но в целом я чувствовал себя довольно сносно. Бросил взгляд на коммуникатор. Почти четыре часа утра.

«Около пяти я был дома. Одиннадцать часов провалился под дверь. Ого! Расскажи кому-нибудь, не поверят. Да и кому говорить?»

Контрастный душ и легкий завтрак с кружкой крепкого чая помогли окончательно прийти в себя. Начав одеваться, я вернулся мыслями к своему вчерашнему недомоганию, но, кроме невнятных определений «нечто странное» и «возможно, вирус», дальше не продвинулся. На работе, которая к тому же не располагала к логическому анализу, я вовсе выкинул все это из головы. А после работы ко мне заявился сосед, окончательно заставивший меня забыть об этом происшествии. Последнее время он стал для меня настоящим кошмаром. Приходя ко мне, он то требовал от меня, чтобы я часами слушал его пьяный бред, то просил денег на водку. Первое время я принимал его, а потом просто перестал пускать за порог. Он уходил обиженный, ругался, но через несколько дней появлялся вновь. И вот сегодня я опять увидел его на пороге, и мое настроение, и без того не самое лучшее, тут же резко пошло к минусовой отметке. Не успел он открыть рот, как я откровенно послал его по матери, после чего собрался закрыть дверь. Неожиданно он попытался меня ударить. Ответный удар в челюсть бросил его на грязный пол коридора. Пару минут я со злорадством наблюдал, как тот пытается встать на разъезжающиеся ноги, и только после этого захлопнул дверь. Ситуация стандартная для нашего «дна», где драки и поножовщина – обыденное дело, поэтому уже через десять минут я забыл об этом случае.

Прошла еще одна рабочая неделя. В предвкушении хорошего субботнего ужина с бутылочкой вина я вышел из лифта, одной рукой держа пакет с продуктами, а второй нащупывая карточку-ключ, и тут мне навстречу метнулась тень. Отшатнувшись, я поспешил принять оборонительную стойку, но не преуспел в этом, получив сильный, рубящий удар сзади, по шее. Перед глазами поплыло. Открыл рот, чтобы позвать на помощь, – тут последовал новый удар, в солнечное сплетение. После чего меня, хватящего ртом воздух, затащили в мою же квартиру. Отставив в сторону стол, бандиты бросили меня на освободившееся место у стены, сами сели напротив. Некоторое время я приходил в себя и одновременно рассматривал своих похитителей. Грубые, жестокие лица. По широким, сильным запястьям, высывающимся из рукавов курток, можно было судить об их мощной мускулатуре, которую скрывала бесформенная одежда. Своим внешним видом они старались походить на жителей трущоб, но их поведение не напоминало повадки местных хищников.

«Обычные грабители уже требовали бы у меня денег, а эти сидят и ждут. Чего ждут? Может, это люди нашего „крестного отца“ Папаши Дугласа? Но наши дорожки никогда не пересекались. Да они бы об этом сразу сказали. Им-то чего бояться? Скорее всего, это ошибка. Меня приняли за кого-то другого. Сейчас придет их босс, и все прояснится. Скорей бы, а то от этих морд...»

Мои мысли прервались, потому что открылась дверь, пропустив человека с чемоданчиком в руке. Вид вошедшего был необычен: длинный, почти до щиколоток плащ, низко надвинутая на глаза шляпа. На руках перчатки. И все – черного цвета. Не обращая ни на кого внимания, он подошел к столу и положил на него чемоданчик. После чего нажал что-то на его поверхности. С каким-то отстраненным любопытством я наблюдал за происходящим. Несколько секунд спустя началась трансформация того, что представлялось мне чемоданчиком, а еще через минуту я понял, что на столе разворачивается переносной медицинский диагностический аппарат. Нечто подобное я видел раньше, когда попал на медицинскую выставку, в той своей, прежней жизни.

«Какая-то совершенная модель, – возникла мысль, тем самым прервав хоровод вопросов в моей голове. – А это, очевидно, их главарь. Чего он молчит? Спрошу сам. Что я теряю?»

Только я собрался подать голос, как главарь наемников повернулся ко мне лицом. Глаза – зеркало души. Эту истину я сумел понять, только очутившись на «дне». Лицо человека может лгать, но не глаза. В них, при наличии определенных навыков, можно прочесть мно-

гое, чего индивид не желает говорить или показывать. Когда люди общаются и чего-то хотят друг от друга, глаза отражают массу эмоций, меняющихся в зависимости от результатов общения: удовольствие, презрение, гнев. А в этом замороженном взгляде ничего не менялось и не читалось. Холод и пустота. И еще... смерть. Мне хотелось закричать: «Пожалуйста, не убивайте меня!» – но взгляд живого мертвеца парализовал меня. Я даже не заметил, как встали со своих мест наемники, только почувствовал их руки, сдирающие с меня одежду. Исследования начались с подключения датчиков-присосок, после чего один из похитителей надел мне на голову повязку из металлизированной ткани. В последнюю очередь была взята проба крови и исследована структура волос и кожи. Эти процедуры потребовали непосредственного участия «черного человека» на диагносте, и я на время был избавлен от его гипнотического взгляда. Пока он изучал и анализировал данные, я пришел в себя настолько, что начал прикидывать, как мне лучше сбить с ног охранника, стоящего на пути к двери.

«Только бы добраться до коридора...»

Я понимал: минута-две – и этот страшный человек оторвет взгляд от монитора, а там... Я уже приготовился прыгнуть на бандита, но тут дверь снова открылась и в комнату вошел... сосед. Главарь никак не отреагировал на его появление, а наемники синхронно сунули руки под куртки. Я замер в ожидании развязки, но ничего не произошло. Не понимая, что происходит, я посмотрел на соседа. На его лице играла глумливая улыбка. Все сразу стало ясно.

«Он! Он их привел! Решил отомстить! Гад!!»

На миг я позабыл о себе, об опасности, о страшном мертвом взгляде. Мне хотелось только одного – сомкнуть пальцы на грязном тощем горле ублюдка.

«Убить!!!»

Сознание напрочь смела дикая и неистовая ярость. Захлебываясь в беззвучном вопле, я вскинул руки и в безумном порыве бросился с места... и оказался в полной темноте. Мрак отрезал меня не только от окружающего мира, но и от ощущений и чувств, словно мое сознание вырвали из телесной оболочки и поместили в черный непроницаемый ящик.

Глава 4

Не успел я что-либо понять, как меня снова выбросило в реальный мир. Но в каком состоянии! В ушах звенело. Тело сотрясала крупная дрожь. Мне пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть. Простояв так пару минут, я наконец почувствовал, как меня начало отпускать. Взгляд, до этого бессмысленно шаривший по затянутому мутной пеленой пространству, в котором с трудом угадывались знакомые очертания обстановки, постепенно стал проясняться. Прошла секунда, а может, минута, и окружающий мир начал приобретать четкость и ясность. А вместе с тем пришло осознание, что я один нахожусь в квартире. Почему один и куда делись мои враги? Этот вопрос и воспоминания, предшествующие ему, меня почему-то совершенно не волновали. Нет, я все помнил, но мои чувства, ощущения, эмоции словно сгорели в неведомом огне. Сейчас я являл собой не человека, а его оболочку. Воспоминания, вялые и равнодушные, текли сквозь меня, совершенно не задевая моих чувств. Время исчезло. Вдруг в тишине раздался звук. Взгляд, до этого тупо упирившийся в пространство, упал на его источник. Им оказался работающий диагност. На индикаторе, часть которого я мог видеть со своего места, в этот момент начала разворачиваться цветная диаграмма. Взгляд задержался на ней на секунду, затем скользнул дальше, пока не наткнулся... Меня не вырвало только потому, что я все еще находился в заторможенном состоянии, к тому же был буквально выпотрошен физически и морально «своим провалом памяти».

Рядом со мной на полу лежало нечто настолько омерзительное и противное, что я в первое мгновение даже не понял, что это, а когда осознал, у меня уже всю бежали мурашки по коже наперегонки со струйками холодного пота. Страх прополз по позвоночнику, добрался до желудка и превратил его в ледяной шар. Я видел и не верил. Наверно, сознание, подойдя к пределу восприятия, просто постаралось абстрагироваться от страшной картины, поставив ее за грань реальности. Скорее всего, так оно и было. На полу лежала серая, вся перекрученная фигура с оскаленными зубами, отдаленно напоминающая человеческое тело и одновременно мумию, старую, иссохшую, в полуистлевших бинтах. Взгляд, почти независимо от меня, зафиксировал вывернутые и застывшие в самых неестественных позах конечности. Но весь ужас в полном объеме дошел до меня лишь тогда, когда я рассмотрел во впавших глазницах черепа, обтянутого кожей, нечто похожее на сморщенные маленькие шарики неприятного белесого цвета. С трудом я оторвал взгляд от кошмарного зрелища и посмотрел вокруг. Лучше мне от этого не стало. Вокруг лежали такие же мумии жуткого серого цвета с оскаленными зубами. Не знаю, сколько времени я так простоял, если бы взгляд, бессмысленно шаривший по комнате, не остановился на черной широкополой шляпе, лежащей на полу. Мозг, до этого находившийся в замороженном состоянии, наконец начал работать, после чего сразу связал два понятия: тип с глазами мертвеца и широкополая шляпа.

«Шляпа, вот она. А это, значит, он. – После чего я смог сделать вывод: – Что, гад, получил?»

Отголосок злобного торжества сумел не только пробиться, но и «включить» мои чувства, после чего я окончательно понял, что на полу лежат действительно трупы моих врагов.

«Сосед. Два мордоворота. И этот... в шляпе. Кто же их так? Будто их жарили, да пережарили. Господи! Что же все-таки произошло? Последним пришел урод-сосед и... все. Все! Тьма. Но ведь что-то было. Вспоминай, Дэвид, вспоминай. Черт! Полный провал. – Я бросил взгляд на свой голый торс с четырьмя датчиками-присосками, соединявшими мою грудь с диагностом. – Нет, это не я. Да и как я мог их так... Здесь что-то другое. Или... другой».

Страх, зашевелившись с новой силой, заставил меня настороженно оглядываться и вслушиваться в малейший шорох. В то же время я понимал, что занимаюсь глупостями, ведь в этой комнате спрятаться было практически невозможно.

«Разве что санузел. Там...» – снова в голову пришла какая-то глупость, но в моем взведенном состоянии ее хватило, чтобы холодный пот снова выступил на лбу. Замер, затаив дыхание. И в этот миг заверещал зуммер диагноста. Это оказалось последней каплей. Страх, сломав и без того слабые барьеры сознания, превратил меня в испуганное животное, живущее рефлексам и инстинктам. Помню кусками, как спускался по лестнице, затем бежал, размахивая руками, по улице, потом споткнулся и упал. Вскочил, собираясь бежать дальше, но сильная боль в ушибленном колене заставила ойкнуть и вернуться в реальный мир. Осознав, что стою посреди улицы полуголый, с зажатými в руках рубашкой и курткой, я ощутил растерянность и неловкость за свое идиотское поведение. Тут же начал торопливо одеваться, правда не забывая при этом озираться и ловить каждый звук. Сумерки только начали опускаться на улицы, обычно пустые в это время суток. Народ в основном сейчас сидел в барах, празднуя окончание рабочей недели. Только я успел вдеть руки в рукава куртки, как где-то вдали послышались шаги. Моим туго натянутым нервам и этого было довольно, чтобы подтолкнуть меня к дальнейшему бегству. Не обращая больше внимания на боль в колене, я пошел туда, где светло и шумно, где меня знают и мне рады, по крайней мере до тех пор, пока я исправно плачу за выпивку. В бар «У Сары». На него в свое время я наткнулся чисто случайно, держа путь домой в тот памятный день, когда получил статус безработного. С тех пор я частенько заглядывал туда, чтобы опрокинуть стаканчик-другой.

Хозяйка заведения была крупной женщиной с широкими, как у мужчины, плечами и длинными мускулистыми руками. Кулаки у нее тоже были приличные. И звали ее соответственно: Сара по прозвищу Кулак. Ее широкое, костистое лицо носило множество отметин кулачных боев. В юности, да и в более зрелом возрасте, как мне рассказали завсегдатаи бара, она довольно успешно выступала в боях без правил. Будучи наделена не только пудовыми кулаками, но и определенным количеством серого вещества, она сумела составить капитал и вложила его в это заведение, предварительно женив на себе его хозяина. Лет через пять тот отдал богу душу, бар остался вдове. И тут оказалось, что бывший боец имеет не только крепкие кулаки, но и неглупую голову. Со временем дела у Сары пошли настолько хорошо, что ей понадобился помощник. Где-то через месяц после моего первого посещения в баре появился новый бармен. Шип. То ли имя, то ли кличка. Тусклые, как у рыбы, глаза. Зализанные назад жидкие волосы. Но при его убогой внешности Шип обладал недюжинной работоспособностью. Он мог по двенадцати часов кряду работать как автомат, не выказывая усталости. Вот и сейчас он стоял за стойкой, когда я ворвался в бар. Если раньше я притормаживал на входе, ища глазами приятелей или просто знакомых, то теперь влетел в помещение как метеор и напрямую двинулся к стойке, оставляя за спиной ругань, шепот и удивленные возгласы недоумевающих посетителей. Бесцеремонно отодвинув клиента, смаковавшего у стойки стаканчик с джином, я, отчаянно жестикулируя и почему-то шепотом, подозвал к себе бармена. К тому моменту, как он обратил на меня внимание, уже половина посетителей бара заметила мое необычное поведение и сейчас гадала, что бы это могло значить. Но я, ничуть не смущаясь, продолжал свои попытки:

– Шип! Шип!

Бармен наконец откликнулся на мой зов, подошел ко мне, и я почувствовал, как тугая пружина из нервов стала постепенно раскручиваться. Не знаю, что сработало, то ли хорошо знакомое лицо, то ли незаметно подействовала знакомая атмосфера, но мне стало легче. Страх, до этого дышавший мне в затылок, съезжился, перестал быть всеобъемлющим. Вместе с ним исчезли невидимые стены, отделявшие меня от окружающего мира, и я оказался среди людей, запахов и звуков.

– Шип. Стакан. Полный, – я почему-то стал говорить отрывисто.

Плохо выбритое лицо бармена ничего не отразило, хотя я не сомневался, что он уже взял меня на заметку, чтобы потом доложить об этом тому, на кого работал информатором, или, проще, стукачом.

Здесь все доносили друг на друга, как только предоставлялась такая возможность. За деньги и просто так. Старались соответствовать одному из основных жизненных правил «дна»: «мне хорошо, когда тебе плохо». Большинство были любители, а вот бармены были профессиональными стукачами. Они работали как на федеральную полицию, так и на здешнего «крестного отца» Папашу Дугласа. В другой момент я мог бы поразмышлять на эту тему, но только не сейчас, тем более что стакан с джином уже стоял передо мной на стойке. Я одним махом влил его в себя, после чего замер в ожидании. Шли минуты. Напряжение и страх медленно, но неуклонно отступали перед градусами. Вместе с расслаблением пришел вопрос: «Что же все-таки случилось на самом деле?» Но, как я ни напрягал извилины, ответ был один: «Не помню».

«Потеря сознания? Обморок? Нет. А может, это связано как-то с диагнозом? Чуть! Попробуем выстроить логическую цепочку. Враги – провал памяти – враги мертвы. И я здесь ни при чем. Я как был, так и оставался присоединенным датчиками к диагносту. Так что же, я демона вызвал из преисподней?! Опять-таки чуть! Тогда что произошло? Кто их поджарил?! Объяснение должно быть, но я его не вижу. Не вижу! Проклятие! Ну я и влип!»

– Что? Проняло, наконец? А, Дэв?

Я вынырнул из мыслей. Это был Шип. Наверное, торчал рядом, по всей видимости наблюдая за мной.

– Теперь человеком выглядишь. А то... Ну совсем никакой прибежал.

Склонив голову набок, бармен изобразил озабоченность моим состоянием, но актер из него был паршивый, поэтому его игре я не поверил.

– Спасибо, Шип. Ты как мать родная, – я старался говорить с сарказмом, при этом сильно сомневаясь, что тот его способен уловить. – Лучше налей еще полстакана своего пойла и можешь продолжать спаивать других.

Из-под стойки тут же появилась бутылка. Стакан наполнился ровно до половины, после чего Шип направился к очередному жаждущему клиенту. Проводив его взглядом, я почувствовал, что мне стало жарко. Расстегнул магнитные застёжки куртки, откинул полы, после чего сделал большой глоток из стакана и начал думать, что делать дальше. Первой появилась мысль о побеге из Серой Пустоши, из города, куда-нибудь в глушь, где меня никто не сможет найти. Примерил на себя роль беглого преступника. Нет, лучше уж сразу повеситься. Меньше мучиться. Сменить квартиру и утверждать, что ничего не видел и не слышал? Прямая дорога на рудники. Оставался только один вариант: перетащить трупы по одному и спрятать их в тихом месте. Но как только в моем разгоряченном воображении возник образ серой мумии, меня тут же передернуло. После чего этот вариант отпал сам собой.

«Нет у меня выбора. Нет. Как, впрочем, никогда и не было. – Я тяжело вздохнул. – Решено... К Папаше».

В нашем районе, как и в других подобных ему окраинных районах, был свой бандитский клан. В соседнем районе Одинокий Утес правил некто Ставински, еще где-то некто Гольд по кличке Упырь, а у нас – Папаша Дуглас. Он был не только «хозяином», получавшим дань в размере двадцати процентов на каждый заработанный кредит в районе Серая Пустошь, но и крупным бизнесменом. Его бизнес начинался от сети мелких дилеров, торгующих на улицах наркотиком, и заканчивался сдачей в аренду четверти принадлежавших ему многоэтажных домов в районе. И все это помимо торговли оружием, денег, вложенных в акции различных предприятий и банков, игры на валютной и сырьевой бирже. Еще он любил играть в этакого «отца», старающегося вникнуть и помочь советом и делом своим

нерадивым и буйным «сыновьям и дочерям». Это мое личное мнение, но как можно было по-другому расценить его «комиссаров», действовавших во всех людных точках района. Так именовались посредники в его криминальной империи. Через них потоком проходили просьбы, жалобы, доносы и рапорты. «От каждого по способностям, каждому по заслугам» – под таким девизом работали на криминальную империю Дугласа информаторы, соглядатаи, шпионы. Деловая информация, случайно подслушанный разговор, подсмотренный секретный код, украденные чистые бланки документов – все это приносило Дугласу иной раз намного больше денег, чем хорошо спланированный вооруженный налет. Я также знал, что обращаться к «комиссару» за помощью – это то же самое, что продать душу дьяволу. И люди знали это, так же как знали и то, что это единственный способ хоть как-то повлиять на события. Это знание давало им детскую убежденность в справедливости и законности правления Папаши Дугласа. Вот к одному такому «комиссару» мне сейчас и предстояло обратиться для разрешения своей проблемы.

Станеску я знал давно. Меня представили ему на следующий день, как только я получил статус безработного. Не думал я, что когда-нибудь придется к нему обратиться, да вот ошибся. Бросил быстрый взгляд на столик, стоявший в углу зала, за которым всегда сидел только один человек. «Комиссар». Я наблюдал за ним много раз, но сейчас, перед тем как подойти к нему, рассматривал так, словно видел впервые. Мускулистый, жилистый, в мягкой кожаной куртке. Расстегнутый ворот легкой рубашки открывал крепкую шею. Короткая стрижка, высокий лоб и... глаза, в которых – презрение и скука. Я отвел взгляд и задумался.

«Что сказать? Как объяснить произошедшее?»

Минут пять терзал себя вопросами и сомнениями, потом, допив джин, решил: «Сымпровизирую, а там пусть будет что будет!»

Люди, завсегда, знавшие меня, уже поняли, что со мной происходит что-то неладное, поэтому не торопились подойти. Вид странный. Весь какой-то нервный. Может, он кого-нибудь убил, а может, и того хуже... только собирается убить. Поэтому, когда я встал и направился в сторону «комиссара», гул в зале стих наполовину. Подойдя к столику, снова почувствовал напряжение и неуверенность, несмотря на приличную дозу выпитого джина, зато из глаз Станеску при виде меня исчезла скука. Он смотрел на меня, не мигая, как голодный питон, гипнотизирующий кролика. Подобравшись под его взглядом, я негромко, с хрипотцой от волнения сказал:

– Привет.

– Привет...

– Дэвид Сакс. Меня зовут Дэвид Сакс. Можно просто Дэв.

– Привет, Дэв. Садись. Рассказывай, что тебя привело ко мне.

– Привет. Дело в том... – начал я и замолчал.

Поняв, что я пришел по делу, взгляд его снова изменился, стал цепким и изучающим.

– Короче, прихожу домой... а там трупы. Серые трупы, то есть серого цвета... мертвецы. – Я снова замолчал.

– Ты что, обкурился? – вопрос был задан просто так, для проверки. Уж кто-кто, а он легко мог определить, сидит перед ним наркоман или нормальный человек.

– Не употребляю. Если только за компанию, одну затяжку. Я лучше выпью. А наркотики... нет, – я видел, что несу бред, но не было сил остановиться. – Иногда могу грамм триста...

– Не гоняй ветер, а четко и внятно изложи, что ты видел.

– Да я почти ничего не видел. Заскочил в свою квартиру, увидел эти страсти и тут же выскочил, – я пытался играть под «дурачка», но, наткнувшись на наливающийся злостью взгляд собеседника, решил не будить в «комиссаре» зверя. – Три или четыре трупа.

Серого цвета. Лежат по всей комнате. И еще. На моем столе прибор стоит. Вот и все. Я сразу помчался сюда. Махнул стакан для успокоения нервов. И решил посоветоваться.

«Комиссар» приподнял руку, щелкнул пальцами. Щелчок потонул в общем шуме, но несмотря на это перед нашим столиком тут же возникла серая, невзрачная личность средних лет. «Мальчик на побегушках».

«И это при современных достижениях науки и техники. Тьфу! – подумал я с горечью. – Только бы унижить человека посильнее».

Великовозрастный «мальчик» низко наклонился. «Комиссар» что-то прошептал ему на ухо, после чего «шестерка» растворился среди посетителей.

– Теперь будем ждать, если ты, конечно, ничего не хочешь добавить, – сказал мне «комиссар», хотя смотрел в сторону бара. Его взгляд возымел действие, так как у столика буквально через минуту материализовался бармен.

– Бутылку. Два стакана. И закуску.

Через двадцать минут из недр его куртки раздался мелодичный звонок. Минуту он внимательно слушал. Потом бросил:

– Хорошо.

Затем несколько секунд сверлил меня глазами, после чего произнес странные слова, весьма смахивающие на приказ:

– Код два. Четыре черных. Эксперт.

Далее продиктовал мой адрес и погрузился в свои мысли, а я тем временем медленно потягивал качественный виски, не забывая о закуске. Переложив заботы на плечи другого, я наконец смог расслабиться. Конечно, не обошлось без дозы спиртного, но ощущал я не тупое опьянение, когда море по колено, а приятную легкость в голове и теле. Так продолжалось до тех пор, пока не прозвучал новый звонок. Последовало короткое сообщение, а в ответ:

– Хорошо. Буду.

Станеску встал, сделал мне знак следовать за ним и направился к двери. Народ поспешно расступался. Одним махом допив оставшееся в стакане, я поспешил выполнить его приказ.

Машина остановилась метров за пятьдесят до моего дома. «Комиссар» вытолкнул меня из салона со словами:

– Пошевеливайся. Веди.

Не желая лишний раз злить бандита, я быстро пошел к своему дому. Только переступил порог подъезда, как из темноты на меня надвинулся амбал, на лице которого играла многообещающая улыбка живодера. Инстинктивно я подался назад, но в следующую секунду из-за моей спины жестко прозвучало:

– Пропустить.

Улыбка превратилась в подобострастный оскал, туша отпрянула. Вышли из лифта, подошли к квартире. Напротив моей двери, в общем коридоре нас поджидало четверо. «Шестерка», двое боевиков-горилл, так как на людей они мало походили, и высокий, костлявый субъект с чемоданчиком в руке. Не успел я остановиться перед ними, как они вытянулись чуть ли не по стойке «смирно». Я резко подался в сторону. На мое место стал «комиссар». Мрачно оглядел подчиненных, произнес:

– Ну что?

Первым заговорил посыльной:

– Четыре трупа. Один из них жилец соседней квартиры. Определил по статус-карте, обнаруженной в его кармане. У других документов не оказалось. На столе прибор. Диагност серии «Медик». Как их убили, не представляю. Ни одной внешней раны. Есть одно предположение... Но...

– У тебя что, урод, лишние зубы завелись?

В голосе «комиссара» слышалось злое веселье. «Шестерка» поежился:

– Один из трупов в длинном плаще и широкополой шляпе. Думаю, что это Доктор.

– Доктор? Здесь?

В удивлении «комиссара» я уловил нотки злорадства. Затем последовал короткий взгляд в сторону открытой двери. Станеску явно тянуло туда, но вместо этого он принял прежний невозмутимый вид, переведя взгляд на костлявого мужчину:

– А ты, Эксперт?

– Точно ничего не скажу. По первому впечатлению: воздействие мощного энергетического оружия. Правда, их внешний вид...

Тут он запнулся. Чувствовалось, что ему есть что сказать, но он не решается.

– Говори, чего тянешь.

– Я тут подумал... Знаю, то, что сейчас скажу, прозвучит необычно, но такое ощущение, что из них выпили все жизненные силы. Если бы существовала такая форма жизни, как энергетические вампиры... – Тут он понял по взгляду «комиссара», что слишком далеко зашел в своих предположениях, и буркнул: – В общем, сделаю все, что смогу.

Если он посчитал, что на этом все закончится, то ошибся. Я стоял сбоку и не видел лица «комиссара», зато видел, как напряглась его плечи.

– Ты думаешь, когда говоришь? Ты мне реальные факты давай, – «комиссар» говорил с явной угрозой в голосе, глядя прямо в глаза съезжившемуся под его взглядом Эксперту, – а не сказки о вампирах.

– Я просто предположил, – заюлил тот. – Через два, максимум три часа я буду точно знать, отчего они умерли. Клянусь.

Не знаю, что бы произошло дальше, если бы одна из горилл не открыла рот и не произнесла:

– Про вампиров я от одной бабки слыхал...

Удар был сильный, жесткий, молниеносный. Боевик поперхнулся словами и выбитыми зубами, врезавшись со всего размаха затылком в стену. Глаза его закатились, и он мягко осел на пол.

– Одни умники кругом.

Тихо сказанные слова «комиссара» показались мне шипением гадюки. Я невольно отступил на шаг. Другие, как я догадывался, хотели бы сделать то же самое, но не осмелились. Наступило тяжелое молчание. В гнетущей тишине Станеску прошествовал мимо своих подчиненных и переступил порог моей квартиры. Несколько минут слышались только его шаги и хмыканье, потом раздался голос:

– Похоже, это Доктор. Так, а это? Что за модель, Эксперт?

– Из последних разработок, как я понимаю. Созданная для исследований в полевых условиях, – быстро заговорил криминалист, тут же повернувшись лицом к дверному проему. – Нечто подобное я видел в каталогах. Исходя из тех цен, что видел, «Медик» тянет на двадцать три – двадцать пять тысяч кредитов.

Напротив меня стоял «шестерка». Его лицо, как только он услышал сумму, вытянулось, тут же потеряв свою невозмутимость. Точно такое же лицо было и у меня. Ничего удивительного в этом не было. В среднем безработному за год набегало около четырехсот кредитов, поэтому сумма, названная Экспертом, была для меня почти заоблачной. Услышав ответ, «комиссар» улыбнулся, но что его привело в хорошее настроение – то ли труп Доктора, то ли услышанная сумма, можно было только гадать. К этому моменту побитый боевик уже полностью пришел в себя, встал на ноги и теперь облизывал сочащуюся из разбитых губ кровь. С минуту «комиссар» размышлял, затем стал отдавать приказы:

– Один труп тебе, Эксперт. Остальных зарыть, да поглубже. Гом, – ткнул пальцем в «шестерку», – на тебе прибор.

Гом тут же повернулся и исчез в квартире. Станеску снова ненадолго задумался.

– Это точно Доктор. Шляпа и плащ – его. Диагност. Значит, «торговцы мясом». – Тут он повернулся ко мне: – Похоже, они приходили за тобой, парень. Ты молодой и здоровый. Наркотиками не балуешься. Появился у нас недавно, так что органы твои в порядке. Вырезай и продавай, хоть оптом, хоть в розницу. – Он смотрел на меня отрешенным взглядом, как бы размышляя вслух. – Приходили за тобой. А навел их твой сосед. Этот мелкий гаденьш и не на такое способен. Я слышал кое-что о нем. Та-а-к, до этого момента все логично. А вот дальше идут непонятки. Все трупы в квартире. Диагност в рабочем положении. А клиента нет. Неувязочка.

В какой-то момент его взгляд стал пристальным и тяжелым.

– Ты мне ничего не хочешь сказать, Дэвид?

Я замотал головой, стараясь всем своим видом показать, что никак к этому не причастен. Ни с какой стороны. С минуту он сверлил меня взглядом.

– Хотел бы я показать тебя одному парню. На полчаса. У него сначала плачут, а потом говорят. Да так быстро, только успевай записывать. Но, к твоему счастью, этот случай выходит за пределы моей компетенции. Посмотрим, что скажут эксперты. А главное, как отнесется ко всей этой истории Папаша Дуглас. Теперь займемся делом. Ты и ты, – он ткнул пальцем в боевиков. – Берите людей. Обшарьте квартиру Сакса и его соседа. Досконально. И еще: если это «охотники за мясом», то здесь поблизости должна быть машина. Фургон. Их трое, да еще «мясо». Прочесать все ближайшие улицы! Брать всех подозрительных! Живьем!

Когда затих топот ног последнего бандита, «комиссар» сказал:

– Что же мне с тобой делать?

Задав вопрос, он впился в меня испытующим взглядом мясника, осматривающего тушу перед разделкой. Чтобы как-то разрядить гнетущую обстановку, я начал болтать первое, что мне пришло в голову:

– Я не хочу больше жить в этой квартире. Можно меня перевести в другой дом?

– Сегодня переночуешь в квартире соседа. А там посмотрим. – С этими словами он развернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился и бросил через плечо: – Не болтай лишнего. Здоровее будешь.

Попрощавшись со мной подобным образом, он зашагал к лифту. Следом за ним, с диагностом в руках, тенью скользнул Гом.

Глава 5

Прошла неделя, а от «комиссара» все не было вестей. Я уже решил, что обо мне просто забыли, но утро среды все изменило. Выйдя из подъезда, я наткнулся на Гома, поджидавшего меня. Сердце противно екнуло.

«Вот она, расплата! Что же они для меня придумали?!»

Гом сделал приглашающий жест рукой. Я подошел.

– Пойдем. С тобой хотят поговорить.

Спорить и возражать было бессмысленно, поэтому я покорно поплелся вслед за «шестеркой» «комиссара».

Вначале со мной довольно долго беседовал плотный, коренастый мужчина в белом лабораторном халате. Впрочем, на беседу разговор походил мало, скорее всего это был своеобразный тест на проверку знаний. Я сдал его, не напрягаясь, после чего тип ушел. Спустя пятнадцать минут явился еще один «белый халат». На этот раз это был худой, длинный, с изрядно потрепанным лицом молодой парень. Поднявшись с ним этажом выше, я неожиданно оказался... в самой настоящей лаборатории. Стоило только мне ощутить знакомую атмосферу научно-исследовательской деятельности, как у меня к горлу подкатил комок. Неужели мне предстоит здесь работать?! Не успел я в душе поблагодарить провидение, как мой гид чуть ли не силком потащил меня дальше. На верхние этажи. В жилую зону, где, как оказалось, я теперь буду жить. Увидев двухкомнатную квартиру, предназначенную для меня, я понял, что экзамен мною был сдан на «отлично».

Рабочий день у нас начинался в девять утра, а кончался в зависимости от количества и срочности работы. Каждый день я спускался с этажа, где жил, двумя пролетами ниже и оказывался в исследовательском центре, часть которого занимала наша лаборатория. Работало нас в ней пятеро, включая нашего начальника, бывшего штаб-полковника инженерных войск, доктора наук Педросу Гомеуса. В свое время он служил в штабе армии на одной из центральных планет, пока не был обвинен в шпионаже. Своевременно предупрежденный, сумел бежать. Заметал следы до тех пор, пока не оказался здесь, на границе освоения космоса. Он был упрямым и ревнивым и никогда не признавал поражений и ошибок. Всегда уверенный в своей правоте, глухой к доводам рассудка, он порой доводил меня до белого каления своими указаниями и наставлениями. Третьим и последним инженером в нашем коллективе был мой экзаменатор, бывший дипломированный специалист, которого неумеренная страсть к деньгам привела к воровству, а нежелание сидеть в тюрьме – сюда, на «дно». Остальные двое были из самоучек. Простые, незатейливые ребята, потрепанные жизнью и насквозь пропитанные пивом. В нашей лаборатории они играли роль техников, грузчиков и занимались много еще чем, где не требовались специальные знания. Наша работа имела свою особую специфику. Манипуляции с электронной отмычкой сменялись разработкой схем взлома систем безопасности, а усилитель сигнала для «жучка» плавно перетекал в переделку чипов на статус-картах.

Помимо нас на этаже были размещены нарколаборатория, оружейные мастерские и криминалистическая лаборатория. Начальником последней являлся уже знакомый мне Эксперт. Люди, работавшие в исследовательском центре, в большинстве своем были моими соседями по тридцать четвертому, жилому этажу. На тридцать третьем находились автоматическая прачечная, магазин, бар-столовая, а также несколько гостевых квартир, своего рода гостиница. Все три этажа были замкнутым комплексом, в который никто не мог попасть, не имея специального допуска. Первые несколько дней я думал, что это нечто вроде тюрьмы и вся моя жизнь теперь будет ограничена тремя этажами, но все оказалось намного лучше. В свободное время я мог идти куда пожелаю, только нужно поставить в известность охрану.

Я работал в лаборатории второй месяц, когда мне в голову пришла неплохая идея по поводу новой разработки. Поделился мыслями с начальником. Тот дал добро. В процессе подготовки выяснилось, что необходим прибор, которого в лаборатории не было. Рассказал о проблеме шефу и услышал следующее: «Не суши мне мозги, парень, а езжай в центр. Вот адрес. Там есть все и даже больше». Вслед за этими словами на стол легла статус-карта на мое имя. Фальшивке я не удивился, ведь за столь короткое время моего пребывания здесь только мною было перешито одиннадцать статус-чипов под чужое имя. Взяв карту в руки, приложил большой палец руки. Тут же на ней появились мои биометрические параметры: сетчатка глаз, оцифрованное изображение лица, анализ ДНК. Далее шло мое имя со статусом техника, работающего в фирме «Адрона».

Поднявшись по лестнице и войдя в широкие двери, инкрустированные узорами из цветного стекла, я попал в большой вестибюль с множеством людей, спешащих по своим делам. Несколько растерявшись, я стал искать глазами автомат-информатор, и тут меня неожиданно окликнули:

– Дэвид? – Имя прозвучало негромко, с ноткой сомнения в голосе. Я медленно обернулся.

«О господи! Это же Фил!»

Передо мной собственной персоной стоял друг юности Филеас Сквош. Я не поверил своим глазам. Наверно, так же, как и он. Восемь лет – достаточно большой срок, тем более что мы расстались, когда нам обоим не было и пятнадцати.

– Фил!

– Дэв!

Мы с минуту стояли, сжимая друг друга в объятиях. Не знаю, насколько искренней была его радость, но я точно был на седьмом небе от счастья. Зачеркнувший свою судьбу статусом безработного, я старался как можно реже вспоминать прошлое, чтобы лишней раз не бередить душу. Редкие электронные письма родителям и их ответы были единственной ниточкой, связывавшей меня с прошлым. И вдруг такая встреча! Фил напомнил мне бурную юность, радости и неудачи, все то, от чего я отказался и теперь старался забыть. Вихрь воспоминаний пронесся в моей голове, взбудоражив еще больше.

– Ты как-то странно возбужден. – Фил подмигнул мне. – Ты случайно не сменил ориентацию, Дэвид?!

В первый миг я не понял его, потом рассмеялся. От души, как давно уже не смеялся. Не дав мне толком прийти в себя, друг юности, подхватив меня под локоть, уже тащил обратно к двери, но только я открыл рот для возражений, как мне было категорично заявлено:

– Нашу встречу просто необходимо отметить! Не вздумай возражать! Я плачу!

Позже я так и не смог вспомнить, куда мы шли и как оказались за столиком этого тихого бара. Я был настолько взволнован встречей, что некоторое время воспринимал из окружающего мира только Фила. Меня захлестнула с головой волна воспоминаний, мыслей, чувств, все то, что копилось в душе, ища выхода. И я не смог удержаться. Когда от бутылки осталась четверть, меня пробило на откровенность. В порыве я рассказал Филу все, что со мной произошло, правда только в общих чертах. Закончив исповедь, я испытал облегчение и... страх. Страх, что друг юности сейчас станет бывшим другом. Но, вместо того чтобы встать и уйти, он сказал:

– Знаешь, Дэвид, я думаю, что судьба обошлась с тобой довольно подло, но, устроив нашу встречу, она таким образом решила извиниться перед тобой. Значит, так. Давай по последней. Потом ты идешь и забираешь свой прибор, а я через неделю-полторы тебя найду. Обещаю! За нас, парень!

Мы выпили. Водку я выпил как воду, не заметив ни крепости, ни вкуса. Слова Фила странным образом остудили мою голову, словно я сунул ее в ведро с ледяной водой. Обещание новой встречи – это надежда, а такой товар мне почему-то всегда доставался с браком.

«Встреча. Неужели он хочет мне помочь?! А может, просто размяк от лишней рюмки и пообещал сгоряча?»

– Послушай, Фил. Ты меня, наверно, неправильно понял. Я не просил вытаскивать меня из этой кучи дерьма. Просто захотелось поплакаться в жилетку. И все!

– Пусть будет так. Поплакался? Легче стало? Хорошо. Но ты не против новой встречи?

– Нет, не против. Просто я не так свободен, как ты. Надеюсь, это ты понимаешь?

– Я всегда тебя понимал. Иначе бы мы с тобой так крепко не сдружились в юности. Не так ли, Дэв?!

Этот парень всегда умел настоять на своем. Помня это, я молча кивнул головой.

– Ну и хорошо! Организация встречи за мной, Дэв, а бутылка за тобой. Согласен с таким разделением обязанностей?

– О чем разговор, Фил.

«Может, снова удача повернулась ко мне лицом?»

Верить до конца подобным мыслям я боялся. И в то же время искорка надежды, тлевшая в моем сердце, не давала себя погасить. На исходе был десятый день, когда в лабораторию вошел мой шеф:

– Ко мне в кабинет! Живо!

Войдя в кабинет экс-полковника, я был готов ко многому, но то, что увидел... Голова сразу стала пустой и звонкой. Впору было кричать: «Ау! Есть тут кто-нибудь?!» – и слышать, как под сводами черепа гуляет звонкое эхо. И все потому, что в кабинете, помимо стоявшего навтыжку у стены хозяина кабинета, сидели два человека. И как сидели! Спокойно. Непринужденно. Одним из них был «комиссар» Станеску, а другим... Фил. Этого я никак не ожидал. Вообще-то я надеялся на нашу с ним встречу, но не здесь, в кабинете, и уж точно не в компании с этим бандитом. Стоя в полной растерянности и не зная, как себя держать в их присутствии, я выглядел, наверно, застенчивым дурачком. Так и стоял, пока Фил не сказал:

– Расслабься, Дэвид. Видишь, я слово свое сдержал. А как насчет тебя?! Где бутылка?!

– Я... я же не знал... – Постепенно я начал приходить в себя. – Привет, Филеас. Здравствуйте... «комиссар».

В ответ я получил барственный кивок головой, после чего бандит сразу перешел к сути дела:

– К нам обратились уважаемые люди. Речь шла о тебе. Их просьба показалась нам достаточно убедительной, и мы решили помочь им. Итак, Дэвид Сакс, с этого момента ты свободен от любых обязательств по отношению к нам.

Закончив, «комиссар» встал, пересек кабинет и исчез за дверью. Я проводил его растерянным взглядом.

«Свободен, но как? А моя статус-карта? Она как?»

Пока я пытался осмыслить происходящее, Фил обратился к моему теперь уже бывшему начальнику с просьбой:

– Вы не могли бы оставить нас наедине? Минут на десять?

Тот, ни слова не говоря, тоже покинул кабинет. Фил проводил его взглядом, после чего, развернувшись ко мне, весело подмигнул:

– Парень, да ты, похоже, никак в себя не придешь. Я-то думал, начнешь прыгать от радости, а ты... Все удовольствие поломал. За это с тебя две бутылки! И не надейся, от расплаты не уйдешь! А теперь лови!

Я автоматически вскинул руку навстречу летящему в меня предмету и в следующую секунду ощутил фактуру пластика в своей ладони. Осторожно прижал большой палец к информационному сенсору и после биометрических данных увидел строчку: «Дэвид Сакс. Компания „Норд“. Статус – инженер второго класса».

Машина была отпущена, как только пересекла невидимую границу, отделяющую центральные районы города от его окраин. Мне хотелось сделать лично эти символические шаги, запечатлеть их в памяти. На душе было легко, как бывает, наверно, только в детстве. Голова слегка кружилась, создавая чувство легкого опьянения. Так мы шли некоторое время, пока Фил не посчитал, что я достаточно «вкусил свободы», и предложил отведать чего-нибудь более существенного. Возражений не последовало. После долгого и извилистого путешествия по барам мы наконец оказались в ресторане при гостинице «Виктория», куда меня на первое время определил на постой Фил. Здесь также было выпито много хорошего вина и сказано добрых слов.

Все-таки вина оказалось больше. Это стало понятно после пробуждения, когда я увидел, что лежу поперек кровати одетый, в рубашке и брюках. Часы показывали шесть утра. Только я начал раздеваться, чтобы нырнуть под одеяло и доспать свое, как осознал: это же мое первое утро на свободе. Сон как рукой сняло. Став у окна, долго смотрел, как просыпается город. Когда надоело, сел в кресло и попытался вспомнить наиболее яркие фрагменты вчерашнего вечера, после чего мысли обратились к личности друга детства. Филеас Сквош. Он появился в нашем классе неожиданно, в середине учебного года. Его отца перевели каким-то начальником в федеральную администрацию района. Мы быстро сдружились, а за два года совместной учебы стали чуть ли не братьями. Фил был веселым и жизнерадостным парнем, жадным до жизни. Пытался взять от нее все, в чем я ему по мере сил усердно помогал. А через два года его семья уехала так же неожиданно, как и приехала.

«Ничуть не изменился за эти годы. Такой же веселый и бесшабашный. – Я посмотрел на часы. – Странно. Уже половина одиннадцатого. Понимаю, работа и все прочие дела, но мы вроде договаривались созвониться».

Прождав еще полчаса, заинтересовался у администратора, нет ли чего-нибудь для меня. Оказалось, есть. Электронное письмо.

– Читай! – скомандовал я.

– «Дэвид, привет. Надеюсь, твоя голова в порядке? Тогда слушай меня внимательно. Ты знаешь, в каком мире мы живем, поэтому сразу расставим акценты. Бесплатного сыра не бывает. Со временем мне понадобится твоя помощь. В чем она будет состоять? Так сразу не скажу. Придет время – мы поговорим об этом, а пока о тебе. С компанией „Норд“ у меня неплохие отношения. Фирма маленькая, но крепко стоит на ногах. Ты зачислен в ее штат. С понедельника – на работу. К счету на твоей карточке я добавил триста кредитов. Этого тебе хватит на пару недель, до аванса. Теперь о твоём положении. Единственное, что тут можно сказать: будь осторожен. Удачи тебе, Дэвид».

Несколько минут я стоял, переваривая послание. Не удивлялся, а именно переваривал, как незнакомое блюдо, которого прежде никогда не ел. Вроде съедобно, а там видно будет, как оно отразится на состоянии организма. Стиль письма был явно не его. Мой приятель всегда был напористым и практичным парнем. Уже в юности он смотрел на жизнь со всеми ее проявлениями как на своеобразный товар в оригинальной упаковке. «Все и сразу!» – это был его девиз, и вряд ли время изменило его к лучшему. А это расплывчатое письмо... Что спрятано за этими строками? Или кто? Может, Сквош – только ширма?

Попытки проанализировать письмо ничего не дали, гадать не в моем характере, поэтому я в конце концов плюнул на эту загадку, решив, что хуже, чем было, вряд ли возможно. Значит, будем жить и радоваться тому, что уже есть!

Глава 6

Работа в компании «Норд» на первых порах была несложной и необременительной. Правда, и зарплата инженера второго класса была небольшой – триста пятьдесят кредитов в месяц, но после ничтожных заработков на «дне» эти деньги показались мне настоящим богатством.

Рано утром уходил на работу и поздно возвращался. Мне было нужно как можно быстрее наверстать упущенное, вернуть свои рабочие навыки в кратчайший срок, поэтому вечера я проводил за чтением специальной литературы. Одновременно я привыкал жить как нормальный человек, стараясь освободиться от вбитых в подсознание привычек и рефлексов «дна». Перестал автоматически садиться в незнакомом баре или кафе спиной к стене, прикрывая ее таким образом от возможного удара, и не напрягаться каждый раз при виде людей, возникающих из темноты, когда поздно вечером возвращался с работы. Так и жил, постепенно приходя в себя, пока как-то утром, придя на работу, не застал за моим рабочим столом своего босса, Стаса Ивацевича. Я мгновенно подобрался, готовый к проявлению недовольства, но он, ни слова не говоря, просто ткнул пальцем в развернутый голографический экран у меня на столе, и я понял, что речь идет о новом заказе. Сел, стал разбираться. Стас просветил меня, что суть не в самом заказе, а в контракте на год, который мы получаем в случае успешного разрешения проблемы. Контракт на год от солидной компании являлся хорошей рекламой для фирмы нашего уровня. Теперь стал понятен ранний приход и взволнованность моего шефа. Обнадежив его заверением, что постараюсь приложить максимум усилий, я кинулся в решение этой проблемы, словно в прорубь, с головой. К тому же я не без основания считал, что уже достаточно подготовлен и могу взять на себя решение задач, подобных этой.

Три недели, без выходных, по двенадцать часов в сутки я работал над проблемой, и результат не заставил себя ждать. Компания «Фоник» не только заключила с нами контракт, но и осыпала нас дождем кредитов. Желая закрепить успех, я предложил шефу, а через него компании «Фоник» создать экспериментальную модель нашей разработки. Раньше подобными делами на «Норде» не занимались, сдавая заказчику только теоретические выкладки, поэтому определенный риск имел место, но мы сумели снизить его до минимума. Успех превзошел все ожидания. Моя разработка даже нашла отклик на страницах одного научного журнала. Дальше последовали еще три работы, принесшие нашей компании дополнительную известность. А за неделю до Рождества мы узнали, что в ежегодном обзоре-рейтинге фирма «Норд» перескочила с сорок девятого на тридцать второе место. Праздник получился двойным. На рождественские выходные я уехал к родителям. Радость от встречи перевесила тот неприятный осадок лжи, которой я потчевал близких, рассказывая о своей безоблачной жизни в городе.

Несмотря на то что жизнь моя теперь была устроена, временами меня начинал мучить страх, приступы которого, впрочем, становились все короче по мере того, как я привыкал к полноценной жизни обычного гражданина. И чем больше я чувствовал себя свободным и раскрепощенным, тем больше я желал наверстать все то, чего был лишен восемь месяцев, пока гнил на человеческой помойке. Появившаяся привычка ужинать в ресторанах, одежда из хороших магазинов, подарки девушкам – все это требовало денег. И как следствие, мне их стало не хватать, хотя на этом этапе жизни у меня был первый класс инженера, а оклад с надбавками и премиями составлял семьсот кредитов.

После умело поданной рекламы клиенты чаще стали обращаться к нам. Не все выходило гладко, случались и неудачи, но успехов было значительно больше, а значит, наша

известность, а вместе с нею и рейтинг, росли. Так мы работали до тех пор, пока не получили один заказ, на первый взгляд показавшийся несложным, но прошел почти месяц, прежде чем нам удалось нащупать путь к решению проблемы. Последующие четыре недели мы лихорадочно искали само решение, и лишь когда срок исполнения контракта подходил к концу, мы пришли к выводу, что решения, нужного заказчику, в природе не существует, зато есть альтернативный путь. По нему мы уже не пошли, так как детализация совершенно новой разработки потребовала бы от нас два, а то и три месяца, а срок исполнения заказа уже практически истек. Но тут произошло чудо. Даже не одно, а сразу два. Заказчик сначала перевел нам деньги за проваленный заказ, а еще через два дня шеф вызвал меня к себе и сообщил новости, касающиеся меня лично. Во-первых, настоящее лицо заказчика – это корпорация «Роботс сервис инкорпорейт», а во-вторых, она приглашает меня перейти к ним на работу. Услышав подобное предложение, я, где стоял, там и сел. И не от радости, а от сознания собственной глупости. Я ругал и клял себя, но было уже поздно.

Когда эту новость узнали мои коллеги, радостных поздравлений было ровно столько, сколько и злой ругани, но касалась она не меня, кляли корпорацию. Все сознавали, что фирма достигла подобного успеха в определенной степени благодаря именно мне, и если я уйду, им придется удерживать завоеванные позиции, доказывать свою состоятельность только за счет своих собственных голов. Никто не рассчитывал, что я останусь, прекрасно понимая, что отказаться от подобного предложения может только полный кретин. Я тоже делал вид, что ужасно рад, но в душе проклинал себя и свою светлую голову. Вместо того чтобы притихнуть на время, брать среднюю работу, я попер вперед, показывая всем, какой я умный. И нарвался. Теперь меня ждала детальная и тщательная проверка службы безопасности корпорации. А там, как я слышал, дураков не держат. Если СБ раскопает мое прошлое... И отказаться нельзя. Никто не поймет, ведь от таких предложений не отказываются, о подобном мечтают, а если он не хочет, значит, с ним что-то не так. В общем, проверки мне не избежать. Уволиться и уехать? А дальше что?! Я сутки метался, не находя себе места, и измучился настолько, что решил: будь что будет! Судьбу по кривой не объедешь. Мое состояние, пока я ждал ответа из корпорации, ничем не отличалось от состояния узника, ожидающего приговора. Утром четвертого дня я получил официальное уведомление о принятии на работу, но вместо беспредельной радости испытал только тупое облегчение.

– Все прошло хорошо. Господи! Все завершилось, – вырвалось у меня, когда я наконец осознал, что все закончилось хорошо. А спустя полчаса, уже полностью придя в себя, я подсчитывал плюсы моей новой работы и радовался как ребенок. Тысяча двести кредитов в месяц. И это не предел. Если я поселюсь в районе, который контролирует корпорация, то получу двадцать процентов скидки на оплату квартиры! Бесплатное медицинское обслуживание! Социальная страховка в размере... В радостном возбуждении я снова и снова пересчитывал льготы и привилегии, предоставляемые корпорацией.

Я старался работать предельно четко и аккуратно, с полной самоотдачей, но задания становились все сложнее. Моего уровня знаний явно стало не хватать. Через месяц после окончания испытательного срока меня вызвали к начальнику сектора. Я бы не удивился, если бы мне показали на дверь, но все оказалось не так плохо, более того, мне намекнули о возможных перспективах роста. Минус был только один. Не хватало специальных знаний, поэтому сразу было выставлено условие: если я хочу остаться у них и работать дальше, я должен пройти курс и получить диплом специалиста по нейроволокну. Не раздумывая, я согласился и через полгода сдал экзамен аттестационной комиссии на «отлично». Уже на следующий день после аттестации я вышел на работу в должности ведущего инженера с окладом в две тысячи кредитов. Около года продолжалась моя почти идеальная жизнь, вплоть до сегодняшнего дня.

«Как было хорошо. Спокойно. Жил – не тужил. А работа какая... Просто сказка».

И тут меня словно ударило. Как же я забыл! «Зверь»! Хотя вспомнить о нем должен был сразу, ведь он являлся единственным вещественным доказательством моей преступной деятельности, в которой меня могла обвинить корпорация.

Все началось с того, что нашей лаборатории предложили рассмотреть для практической разработки мономолекулярную нить. Химически она представляла собой цепочку атомов углерода, сцепленных между собой в единое целое. Нить настолько тонка, что практически невидима, зато легко проходит сквозь любые молекулярные соединения, а если говорить по-простому, то может резать с одинаковой легкостью как лист бумаги, так и ракетную сталь. Она всем хороша, за исключением одного минуса. В природе нет материала, который мог бы долго и надежно удерживать ее. Рано или поздно крепежный материал разрезался самой нитью. Но исследования постоянно продолжались. И когда наконец химикам корпорации вроде бы удалось справиться с этой задачей, экспериментальный сплав передали нам для полного апробирования. После полутора месяцев исследований мы вплотную подошли к решению проблемы, и вдруг в последний момент нам объявили, что тему у нас забирают. Без какого бы то ни было объяснения причин. Моя докладная записка как мера протеста ничего не принесла мне, кроме жесткого разноса в кабинете у начальника. Чувство обиды за несправедливое отношение к нашему труду придало мне смелости пойти против правил всемогущей корпорации. Втайне ото всех я начал работать на себя, параллельно моей основной деятельности. За это время я потерял два килограмма живого веса, сто раз проклял себя за безумную идею, заставившую меня идти по лезвию бритвы, но в результате «Зверь» все-таки появился на свет. Он был задуман и исполнен как нож с выкидным лезвием. Форма рукоятки представляла собой фигурку ящерицы и в целом смотрелась как грубовато сделанная детская игрушка, если, конечно, не считать ее убийственно смертоносной начинки. Внутри рукоятки находилась свернутая в спираль мономолекулярную нить длиной в десять сантиметров. Она выскакивала из пасти ящерицы, откликаясь на голосовую команду «Зверь – нож», настроенную на звуковой тембр моего голоса. Практически нить-лезвие можно было увидеть только при специальном освещении, в обычном свете она невидима и от этого вдвое опасней. По окончании работы у меня мелькнула мысль покаяться в своих грехах и отдать «Зверя» корпорации, но стоило мне заглянуть в свой экземпляр контракта и пройти по пунктам, которые я нарушил за время своей «нелегальной» работы, как она сразу пропала. Неделью я скрупулезно уничтожал все, что могло иметь отношение к моей тайной работе, затем месяц готовил операцию по выносу «Зверя». И только когда он оказался в специально оборудованном тайнике в моей квартире, я наконец-то вздохнул свободно.

«Неужели из-за него?! – вспыхнула запоздалая мысль, но тут же погасла. – Не может быть. Нож у меня уже четыре месяца... Столько времени выжидать... Нет, это не в правилах СБ. И не о том ты думаешь, парень. Надо думать о том, что тебя ожидает, когда твоя двойная жизнь выйдет наружу! Вероятно, сначала установят слежку. Определят круг знакомых. Обыщут квартиру. Что еще?... Эх, не спросил у Фей, когда было затребовано мое досье. Скорее всего сегодня, но начать разрабатывать меня могли и раньше. Накинем еще сутки. Насколько плотно служба безопасности взялась за меня? Счет может идти на сутки, а может – и на часы. Черт! Все так и бросить?! Бежать?! Будь оно все проклято!»

Мне до жути не хотелось верить, что для меня все кончено. Не хотелось, и все! Но мое фальшивое прошлое, словно камень на шее, тянуло меня ко дну.

«Никому не мешаю. Живу тихо. За что мне все это?! – Легкий приступ истерики встряхнул меня, вывел из расслабленного состояния, вернул логичность и жесткость мыслям. – Не время расслабляться! Я давно уже не мальчик, которого пинками, как нашкодившего щенка, выгнали из университета. Изменилась жизнь, изменились ценности. Теперь меня так просто не возьмешь».

Став снова самим собой, я приступил к обдумыванию своих последующих действий с учетом возможной слежки.

«Немного гуляю для маскировки. Потом иду домой. В тайнике забираю три тысячи кредитов и „Зверя“. Как знал, что рано или поздно он мне пригодится. Но что делать с пятью тысячами на счете? Всю сумму снять, наверно, не получится. Привлеку излишнее внимание, а может, даже спровоцирую арест. А вот тысячи полторы – это в самый раз. Теперь делаем вид довольного жизнью человека...»

С улыбкой на лице, а сам внутренне сжавшись, как пружина, я вышел из бара. Лениво посмотрел по сторонам, как бы решая, куда лучше пойти, затем, словно решившись, двинулся к ближайшей стоянке такси, стараясь выдерживать прогулочный шаг. Мне все время хотелось обернуться, но я пересиливал себя. Правда, с большим трудом.

Глава 7

Не успела захлопнуться дверца такси, как я опрометью бросился в проулок между домами, провожаемый удивленно-любопытными взглядами нескольких прохожих, оказавшихся свидетелями столь необычного поведения пассажира. В их понятии люди, имеющие деньги на такси, не шныряли, как мелкая шпана, по грязным подворотням.

Из этого переулка начинался кратчайший путь к намеченной мною цели, имевший ряд специфических особенностей, которые должны были сбить с толку возможных шпионов, решивших последовать за мной. Проскочив мимо глухой стены автоматической прачечной, я перелез через двухметровую стенку. Пробежал узкий дворик с парой обшарпанных скамеек и десятком чахлых кустов, проскользнул между домами и вышел на параллельную улицу. Придав себе вид гуляющего зеваки, я неторопливым шагом вошел в широко распахнутую дверь тотализатора. Здесь двадцать четыре часа в сутки толкались люди, делали ставки, а затем отходили от касс к экранам, чтобы потом снова бежать к кассам. С трудом пробившись сквозь возбужденную толпу, я достиг дежурного выхода. Снова перейдя на торопливый шаг, пересек открытое пространство пустыря, раскинувшегося сразу же за черным входом, после чего затаился в густых кустах, росших на противоположной стороне, и стал наблюдать. Прошла минута. Пять минут. Никто не бежал за мной вслед. Где же слежка? И была ли она? Впрочем, меня просто могли «пометить», после чего спокойно наблюдать за моими перемещениями. И тут снова на меня обрушились сомнения. Может, я все это себе вообразил? Но неожиданно в памяти всплыли слова Джона, сказанные тогда в баре: «... в полном объеме». Так спецслужбы проверяют, когда на человека у них есть что-то определенное.

«Значит, надо бежать дальше».

Быстрым шагом пройдя сквозь маленький парк, состоявший из трех десятков деревьев, я вышел к очередному ряду угрюмых и безликих многоэтажных домов. Ближайший из них и был моей целью. Дойдя до нужного мне подъезда, электронной универсальной отмычкой, изготовленной еще в те времена, когда я работал в подпольной лаборатории, открыл дверь подъезда. Перед тем как войти, резко оглянулся. Никого. Поднявшись по лестнице на третий этаж, остановился перед обычной дверью стандартного квартирного блока. Обитал за этой дверью торговец фальшивыми документами по кличке Черный Пупе. Торговал он ими оптом и в розницу, с официального разрешения некоронованного короля здешних мест Папаши Дугласа. Все, кто хотел получить новое имя и биографию, шли к нему. Пупе был глубоким стариком, с презрением относившимся ко всем новомодным веяниям, поэтому дверь открывал сам, на условный стук. Мне приходилось пару раз передавать ему статус-карты и некоторые другие документы, прошедшие переделку в нашей лаборатории. По местным уголовным меркам, он был заметной фигурой и имел статус полной неприкосновенности. Сейчас, стоя под дверью, я молил бога, чтобы этот чертов старик не помер за то время, пока меня здесь не было, или не сменил звуковой код. Но, на мое счастье, дверь после короткого, но томительного ожидания открылась. На пороге возник сам Пупе, совершенно ни изменившийся за эти полтора года. Та же густая грива всклокоченных седых волос, длинный горбатый нос, недельная щетина на щеках. Увидев меня, он сначала отпрянул от неожиданности, потом попытался закрыть дверь, но я не предоставил ему такой возможности. Сильный толчок ногой распахнул дверь настежь, отбросив старика к стене. Войдя в прихожую, я аккуратно захлопнул за собой дверь.

– Зачем? Какого черта ты сюда явился?! – В возмущение старика вплетались визгливые нотки страха. – Ты что...

Я не дал ему договорить:

– Пупе, мне срочно нужна новая статус-карта. Сделаешь в течение двух часов – восемьсот кредитов твои. За час – еще двести кредитов сверху.

Старик медленно вытер мутную слезу, норовившую выкатиться из левого глаза, медленно покачал всклокоченной головой:

– Ты дурак, Сакс. Уходи. Никаких дел. Если ты уйдешь прямо сейчас, могу пообещать, что никому не скажу о тебе, если, конечно, это не будут парни Папаши Дугласа.

Мой план, включавший в себя «левые» документы и бегство из города, был готов провалиться. Не рассчитывая на подобный исход, я растерялся. Если за мной следили, то я своими действиями только укрепил подозрения в отношении себя у следователей СБ, теперь они могли перейти к активным действиям. Все шло к тому, что времени у меня осталось в обрез. Сейчас или никогда! Я надвинулся на Пупе. Тот, не сводя с меня глаз, стал отступать в глубь квартиры, пока не оказался прижатым к старому шкафу, место которому давно было на свалке.

– Ты полный кретин, Сакс. И не делай зверское лицо. Из тебя убийца, как из меня любовник. – Тут он противно хихикнул, но буквально через секунду его лицо снова стало серьезным. – Люди Дугласа знают, что ты здесь.

Эти слова подействовали на меня не хуже, чем разряд полицейского нейрошокера. Прошлые до сих пор жило во мне. Страх липкими холодными лапами обхватил мое сердце.

– Ты что такое городишь, старик? Никто...

– Я тебе уже говорил, что ты дурак... – снова завел свою шарманку Пупе.

Но мне было не до его болтовни. Если они знают обо мне, то от кого? Фил? Ему-то зачем? Сам вытащил... Нет, глупо. Я не знал, что и думать.

«А если меня узнали, когда я выходил из такси или по пути сюда? Пусть так! Но откуда знает Пупе? Я нахожусь в Пустоши от силы полчаса. Мать моя! Какой же я дурак! Да он же меня на понт берет! Старый козел!»

– Ах ты старый пень! Если ты думаешь, что я тебе поверил, то ты сильно ошибаешься. Документ – или я тебе переломаяю все кости! Шутки кончились, старик!

Одной рукой я схватил его за горло, придавив к стенке шкафа, вторую угрожающе поднял. Я был готов не только избить, но и убить его в приступе страха. Старик, звериным инстинктом ощутив мою решимость, тоже струсил. Глаза суетливо забегали, с лица сползла глумливая улыбка. Бросил взгляд на кулак, готовый опуститься на его голову, открыл рот... И тут раздался стук в дверь. Условный стук. Сильнее сдавив худое старческое горло, другой рукой я выхватил «Зверя» из кармана. Тепло рубчатой рукоятки вселило в меня некоторую уверенность.

«Неужели старик прав?! Да нет же! Этого не может быть! Это просто очередной клиент!»

Но сердце не желало успокаиваться, отчаянно колотясь об грудную клетку. Старик, не шевелясь и почти не дыша, смотрел на меня мутным взором, зная, что сейчас решается его судьба. Я видел страх в его глазах, знал, что здесь, «на дне», человеческая жизнь, особенно чужая, представляет собой разменную монету, которой легко откупятся, лишь бы остаться в живых. Мы оба это понимали, но я прожил на «дне» всего восемь месяцев, а не всю жизнь, как Черный Пупе, поэтому, отпустив его горло, сделал шаг в сторону. После чего кивнул в сторону двери:

– Иди открывай.

Пупе некоторое время смотрел на меня, потрогал рукой шею, словно хотел убедиться, что она на месте, затем привычным движением смахнул слезу и шаркающей походкой двинулся к двери. Щелкнул замок. Я замер и напрягся.

«Что ж, я сделал все, что мог!»

Сжав покрепче рукоять, приготовился сражаться. Боевики не ожидают, что у меня есть такое страшное оружие, а значит, есть шанс прорваться на улицу. А там... Шаги все ближе. Быстро шепнул:

– Зверь – нож.

Активировав его, застыл в состоянии сжатой пружины. В комнату вошла... девушка. И замерла, увидев меня. Некоторое время мы разглядывали друг друга. Совсем молоденькая. Девочка-девушка. Миловидное личико. В глазах любопытство и настороженность. Я перевел взгляд на Пупе, стоявшего за ее спиной. Его губы кривились в ехидной ухмылке, как бы говоря: «Ну, что теперь ты будешь делать, герой?» Я снова перевел взгляд на девушку. В памяти что-то шевельнулось. Пока я пытался уловить это «что-то», девушка прошла мимо меня и поставила на стол контейнер с набором саморазогревающейся посуды. Память тут же проснулась. Около двух лет назад я видел ее с такими же судками, когда приходил к старику. Просто теперь детская фигура оформилась в девичью, обозначились бедра и грудь. Но лицо изменилось больше всего. Теперь оно стало действительно девичьим, миловидным, а тогда с трудом можно было понять, кто перед тобой – мальчишка или девчонка. Пока я наблюдал за ней, она разложила посуду на столе, а затем стала раскладывать еду на тарелки.

– Крыска, – неожиданно вырвалось у меня ее детское прозвище. Так ее тогда назвал старик и пояснил, что эту кличку она получила за острые зубы, когда в одной из драк сильно покусала своего обидчика.

Услышав меня, она резко обернулась. Губы поджаты. Глаза злые.

– Извини. Случайно вырвалось.

Мои извинения удивили ее не меньше, чем присутствие в квартире чужака, который ее знал.

– Мы разве виделись раньше?

Вдаваться в подробности мне не хотелось, и я только кивнул. Старик стоял все это время с таким отрешенным видом, словно являлся посторонним человеком, а не хозяином квартиры. Я понимал, что теряю драгоценное время, но все равно медлил. План провалился, и что делать дальше, я не знал.

– Я привык есть один. – Указав мне на дверь, старик направился к столу, где над тарелками поднимался пар.

Понимая, что проиграл вчистую, я пошел к двери. У лифта меня догнала Крыска:

– Меня зовут Тата. А ты кто?

Такие вопросы не приветствуются на «дне», но отлично сшитая одежда и обороты речи незнакомца подсказали ей, что я не местный. А с чужака, да еще не знающего здешних законов и правил, вполне можно выбить толику денег, если правильно подойти к делу. Скорее всего она намеревалась прокрутить со мной подобный фокус, но ее сдерживало то, что я ее откуда-то знаю. Эта тайна разжигала ее любопытство.

– Меня зовут Николс. Жил здесь когда-то. Потом немного повезло, уехал. И вот снова приехал. Решил... старый долг вернуть.

– Хорош врать. Пупе и деньги в долг – это даже не смешно. У старого таракана зимой снега не выпросишь, а тут... Ха-ха-ха! Деньги! Ну, ты даешь! Шутки у тебя... Ха-ха-ха!

– Ну, пока.

Попытка распрощаться с ней при выходе из подъезда ни к чему не привела. Настырная девчонка прилипла ко мне как репей и никак не хотела отставать, забрасывая меня вопросами. Отвечая на очередной, я не сразу заметил, как из-за угла соседнего дома бесшумно вынырнула машина на воздушной подушке, а потом не сразу сообразил, что в этих задворках могут раскатывать только парни Дугласа. Когда понял, было уже поздно, машина остановилась в шаге от нас. Из салона один за другим выпрыгнули трое боевиков. Все они производили впечатление людей, решающих свои проблемы без особых затей – ударом дубинки

или кулака. Несколько секунд – и меня взяли в полукольцо. У двоих амбалов в руках были нейрошокеры, третий, быкообразный тип, только рогов не хватало для полного сходства, многозначительно разминал кулак правой руки, хрустя суставами. Девчонка при виде «солдат» Дугласа, придушенно пискнув, в мгновение ока исчезла за ближайшим углом. Ситуация недвусмысленно говорила, что меня сейчас будут бить. С подобным я сталкивался не раз и представлял, что ощущает человек в подобных случаях. Но сейчас все было не так. Мне бы дрожать от страха и злости, а я, наоборот, испытывал нечто похожее на облегчение. Вот он наконец, живой противник, из плоти и крови. Пусть не тот, но тоже враг. Я почувствовал, как адреналин забурлил у меня в крови.

«Устал я вас всех бояться! Хотите драки – получите!»

Глупые ухмылки на лицах бандитов говорили о том, что они считали меня легкой добычей. В общем-то они были правы. Хотя кулаками работать мне не впервой, но против трех громил, поднаторевших в подобных разборках, мне не выстоять и трех минут.

– Подъехать с нами не хочешь?! – прогудел самый рослый из них. Его голос словно шел из самого нутра. – С тобой поговорить хотят.

– Я уж лучше пешком. И в другую сторону.

– Ну, как знаешь. Сам напросился, – лениво протянул похожий на быка верзила, подходя ко мне вплотную.

Не успел он закончить фразу, как с криком «Зверь – нож» я вытянул руку вперед. Боевик отреагировал на мой выпад, выставив блок рукой. Мономолекулярная нить, столкнувшись с живой плотью, легко разрешила ее. Кровь, ударившая тугой струей, и сотрясший воздух вой, полный дикой боли, заставили двух других бандитов выпучить глаза. Их замешательство еще больше усилилось при виде упавшего на колени главаря, истекающего кровью. Было бы грехом не воспользоваться их растерянностью, тем более что мой боевой задор уже успел испариться при виде отрубленной кисти руки, лежавшей в луже натекшей крови. Взяв резкий старт с места, я помчался к углу, за которым только что скрылась Крыска. К тому же я знал, что дальше по проулку дорога сужается из-за стоящих контейнеров-утилизаторов и машине там никак не проехать. Я уже заворачивал за угол, как вдруг послышался треск выстрелов. Один раз, второй... четвертый. Рядом с головой что-то просвистело, а потом еще что-то взвизгнуло, отлетая рикошетом от пенобетона.

«В меня стреляют», – сообразил я, автоматически увеличивая скорость. Проскочив мимо утилизаторов, слегка притормозил, оглянулся. Погони не было, но это ни о чем не говорило. Объявить на меня облаву – дело двух минут.

«Надо бежать из Пустоши! И чем быстрее, тем лучше».

Я помнил, когда человека убили просто за неосмотрительный плевок в сторону боевика Папаши, а уж в моем случае... Даже думать не хотелось. Я начал прокручивать в голове карту района, пытаюсь высчитать кратчайший путь бегства, каковое могло бы обеспечить муниципальный транспорт или такси. Я стал вспоминать расположение ближайшей стоянки. И тут в голове словно молния сверкнула: «Боевики Дугласа! Как они могли так быстро оказаться здесь? Они знают обо мне. Пупе правду говорил. Нет, здесь что-то не так. Неправильно все это, нелогично. А что там этот бык сказал? Со мной поговорить хотят. Но кто? Кому до меня есть дело?! Может, вернуться и снова потолковать с Пупе? Хороший ход, но слишком очевидный. Меня там наверняка ждут. Пойду пешком. Доберусь до другого района, а там... там видно будет. И еще нужно переодеться. Раствориться в толпе».

Решив остановиться на этом варианте бегства, я выбрался из проулка и неторопливо пошел по небольшой узкой улочке, стараясь привлечь к себе внимание. Успех сопутствовал мне почти сразу. Не прошел и сотни метров, как дорогу перегородили два типа с короткими дубинками в руках. От них так и разило тупой, животной злобой.

«Вот вы-то мне и нужны!»

Не успел один из них, радостно ослабившись, повторить мои мысли вслух: «Ты-то нам и нужен, мужик», как я одним росчерком «Зверя» укоротил дубинки почти вдвое. Пока налетчики ошарашенно смотрели на обрубки в своих руках, последовал короткий и сильный удар в небритое лицо. Следующим движением уклоняюсь от растерянного замаха обрубка дубинки второго обескураженного грабителя. Выпрямляюсь. Бью ногой в пах. Искажённое болью лицо и падающий на землю обрубок дубинки. Грубо вытряхиваю стонущего налетчика из его серо-синей куртки, этой стандартной одежды безработного. Быстро снимаю свой стильный пиджак, бросаю его на землю, а вместо него надеваю грубую куртку. Оглядываюсь по сторонам – вроде никого. С силой бью ногой по ребрам пытающемуся встать на ноги первому бандиту. С утробным всхлипом он заваливается на бок. Все было проделано на одном дыхании, почти молниеносно, в автоматическом режиме. Выхожу на улицу, параллельную местному проспекту, резко замедляю шаг, стараясь при этом успокоить рвущееся из груди сердце, но не прошел и десяти метров, как из-за угла выскочила патрульная машина. Инстинктивно отвернулся, пряча лицо, но, видно, сделал это слишком резко и тем самым привлек несколько любопытных взглядов.

«Что глаза тарашите, жабы?! – с неожиданно нахлынувшей злостью подумал я и тут же вздрогнул от нового, нарастающего звука полицейской сирены. – Чтоб вам всем!..»

Я чувствовал себя затравленным зверем. Разум отключился, предоставив полноту власти животным инстинктам. Бежать! Забиться в нору! Спрятаться! В последний момент я все же сумел сдержать себя, хотя мое поведение явно не оставалось без внимания. В очередной раз оглянувшись, я заметил человека, показывающего на меня пальцем. Новый укол по нервам. Почему именно на меня? Чем я его заинтересовал? Своим поведением? Или, может, он один из моих преследователей-невидимок? Я понимал, что неадекватно реагирую на окружающий меня мир, но ничего не мог с собой поделать. Страх сочился из каждой моей поры, бежал по сосудам вместе с кровью, управлял моим разумом. Снова раздался вой сирены. Он стремительно приближался. Страх вбил шпоры в мои бока, кнутом ударил по нервам, заставил меня бежать, не разбирая дороги. В спину неслись ругань и проклятия, кто-то попытался догнать меня, но страх, как опытный наездник, подгонял меня, заставляя бежать все быстрее и быстрее. Резко свернув с улицы в проулок, я проскочил короткую аллею с двумя рядами редких деревьев, затем некоторое время бежал вдоль глухой стены. Завернув за угол, неожиданно оказался на большой подъездной площадке, ведущей к двум длинным зданиям складского типа. Остановился. Вытер рукавом куртки пот со лба и висков. Паника, так неожиданно охватившая меня, казалось, почти сошла на нет, но тут в спину снова ударил вой полицейской сирены. Она прозвучал где-то вдалеке, но этого было достаточно, чтобы я побежал. Правда, меня хватило не надолго. Остановился, хрипя и хватая воздух широко открытым ртом. Несколько минут постоял, напряженно прислушиваясь, но только начал приходить в себя, как высоко в небе раздался гул, нараставший с каждой минутой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.